

Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ

STUDIA TURKOLOGICA

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Том 1, книга 1
2026

Studia Turkologica

рецензируемый научный журнал

2026

Т.1, кн. 1

STUDIA TURKOLOGICA ОСНОВАНА В 2026 ГОДУ

Редакционная коллегия

Главный редактор

Гатин М.С. — заведующий кафедрой истории Татарстана ИМОИиВ КФУ, канд. ист. н., доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Члены редколлегии

Имамов Т.Г. (выпускающий редактор) — Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Мустафина Д.А. (ответственный редактор) — канд. ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Абзалов Л.Ф. — канд. ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Бабаяров Г. — д-р ист. наук, Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы имени Алишера Навои, г. Ташкент, Узбекистан

Вохидов Ш.Х. — д-р ист. наук, проф., Бухарский государственный университет, г. Бухара, Узбекистан

Гилязов И.А. — д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Загидуллин И.К. — д-р ист. наук, Центр исламоведческих исследований АН РТ, г. Казань, Россия

Зиливинская Э.Д. — д-р ист. наук, в.н.с., Отдел физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия

Исхаков Д.М. — д-р ист. наук, с.н.с., Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск, Россия

Йологлу Г. — д-р ист. наук, в.н.с., Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

Кемалоглу И. — д-р ист. наук, проф., Университет Мармара, г. Стамбул, Турция

Маслюженко Д.Н. — канд. ист. наук, доц., Курганский государственный университет, г. Курган, Россия

Миргалеев И.М. — канд. ист. наук, рук. центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Россия

Муминов А. — д-р ист. наук, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Петров П.Н. — канд. ист. наук, н.с., Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алма-Ата, Казахстан

Салихов Р.Р. — д-р ист. наук, акад. АН РТ, Институт истории им. Ш. марджани, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Самигулов Г.Х. — канд. ист. наук, с.н.с., Научно-образовательный центр евразийских исследований, НИУ «Южно-Уральский государственный университет», г. Челябинск, Россия

Ситдииков А.Г. — д-р ист. наук, действ. чл., АН Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фахрутдинов Р.Р. — д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Хабибуллина Э.К. — канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору

в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-91114 от 18 марта 2026 г.

Адрес издателя и редакции «Studia Turkologica»:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 44

E-mail: studia.turkologica@yandex.ru; сайт: <https://stur.elpub.ru/jour>

© Казанский федеральный университет, 2026

Studia Turkologica

Peer-Reviewed Scientific Journal

2026

Vol.1, No. 1

STUDIA TURKOLOGICA FOUNDED IN 2026

Editorial Board

Editor-in-Chief

Gatin Marat S. — Head of the Department of History of Tatarstan, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Members of Editorial Board

Imamov Timur G. (Managing editor) — Kazan Federal University, Kazan, Russia

Mustafina Dina A. (Developmental editor) — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abzalov Lenar F. — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Gabdulla Babayarov — Dr. Sci. (History), Tashkent State University, Tashkent, Uzbekistan

Vokhidov Shodmon Kh. — Dr. Sci. (History), Professor, Bukhara State University, Bukhara, Uzbekistan

Gilyazov Iskander A. — Dr. Sci. (History), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Zagidullin Ildus K. — Dr. Sci. (History), Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Zilivinskaya Emma D. — Dr. Sci. (History), Department of Physical Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Iskhakov Damir M. — Dr. Sci. (History), Tobolsk Integrated Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia

Yoloğlu Güllü — Dr. Sci. (History), Institute of Archeology and Anthropology of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Kemaloğlu İlyas — Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University, Istanbul, Türkiye

Maslyuzhenko Denis N. — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Kurgan State University, Kurgan, Russia

Mirgaleev Ilmur M. — Cand. Sci. (History), Head of the Center, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Muminov Ashirbek — Dr. Sci. (History), Lev Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Petrov Pavel N. — Cand. Sci. (History), A. H. Margulan Institute of Archeology, Alma Ata, Kazakhstan.

Salikhov Radik R. — Dr. Sci. (History), Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.

Samigulov Gaiaz Kh. — Cand. Sci. (History), South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Sitdikov Airat G. — Dr. Sci. (History), Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.

Fakhrutdinov Rail R. — Dr. Sci. (History), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Khabibullina Elmira K. — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

---

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Kazan (Volga Region) Federal University”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media
Registration certificate EL No. FS77-91114 dated March 18, 2026

Contacts: Studia Turkologica, ul. Levo-Bulachnaya 44, Kazan, Republic of Tatarstan, 420111; e-mail:
studia.turkologica@yandex.ru; website: <https://stur.elpub.ru/jour>

СОДЕРЖАНИЕ

Ислямов Н.И., Мустакимов И.А. «И чтоб им повелено было для науки у нас учинить школу...»: к вопросу о подготовке переводчиков и толмачей восточных языков в Казанской губернии в 1730-х гг.....	4
Гареева В.Я. Осман-европейские отношения в XVII–XVIII веках: от конфронтации к культурному диалогу.....	13
Басыров И.Р., Мустакимов И.А. Концепт «справедливого правителя» в поэме «Кысса-и Йусуф» Кул Гали и его проекция на политическую публицистику башкирских восстаний XVIII века (на материале «Письма» Батырши).....	30
Гюллю С. Джадидизм в Кыргызстане и его освещение в историографии.....	41
Галиуллина И.И., Гатин М.С. Языковая реформа в Турции 1920–1930-х гг. в отечественной, турецкой и западной историографии: сравнительный анализ интерпретаций.....	56
Муллаянов А.Ш. Турция и турко-кипрская община в кипрской проблеме (1992–2004).....	70

CONTENTS

Islyamov N.I., Mustakimov I.A. “And They Were Ordered to Establish a School for Our Instruction...”: On the Training of Interpreters and Translators of Oriental Languages in Kazan Governorate in the 1730s.....	4
Gareeva V.Ya. Ottoman–European Relations in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: From Confrontation to Cultural Dialogue.....	13
Basyrov I.R., Mustakimov I.A. The Concept of the “Just Ruler” in Kul Ghali’s Poem “Qyssa-i Yusuf” and Its Projection on the Political Publicism of the Bashkir Uprisings of the 18th Century (Based on Batyrsha’s “Letter”).....	30
Güllü S. Jadidism in Kyrgyzstan and Its Coverage in Historiography.....	41
Galiullina I.I., Gatin M.S. Language Reform in Turkey in the 1920s and 1930s in Russian, Turkish and Western Historiography: A Comparative Analysis of Interpretations.....	56
Mullayanov A. Sh. Turkey and the Turkish-Cypriot Community in the Cyprus Problem (1992–2004).....	70

Оригинальная статья**«И чтоб им повелено было для науки у нас учинить школу...»: к вопросу о подготовке переводчиков и толмачей восточных языков в Казанской губернии в 1730-х гг.****Ислямов Н.И.¹, Мустакимов И.А.²**

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18, корп. 1)

Магистрант 1 года обучения Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ
E-mail: coolislyamov@mail.ru

²Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18, корп. 1)

Кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0052-5136>. E-mail: imus2007@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена публикации и анализу документа из Архива внешней политики Российской империи историко-документального департамента МИД России (АВПРИ). Сам исторический источник, повествующий об инициативе создания в 1731 г. в Казани школы для обучения детей служилых и ясачных татар иностранным языкам: арабскому, персидскому и турецкому - представлен в виде сообщения из Коллегии иностранных дел и доношения инициатора создания учебного заведения. Перед непосредственным текстом источника дан небольшой аналитический обзор содержания документа. Актуальность обусловлена необходимостью дальнейшего изучения подготовки переводчиков и толмачей на территории Казанской губернии в первой половине XVIII в. в рамках проводимой Россией восточной политики. Полный текст данного источника публикуется впервые в отечественной историографии.

Целью исследования является публикация приводимого ниже исторического источника, который позволит расширить понимание о потребностях Российского государства в переводчиках восточных языков в рассматриваемых хронологических рамках, а также, некоторым образом, расширить представления об истории Казани XVIII в. Задачами явились подготовка документа к публикации, анализ самого источника и предпосылок инициативы о создании учебного заведения. Результатом исследования явилось выявление инициативы о предполагаемом создании в 1731 г. в Казани учебного заведения для обучения восточным языкам.

Ключевые слова: Персидский поход Петра I, переводчики, толмачи, школа, Аиса Кашаев, Казань, Низовой корпус, Коллегия иностранных дел, служилые татары

Благодарности. Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность своим преподавателям Мустакимову Ильясу Альфредовичу и Мустафиной Дине Абдулбаровне за помощь и ценные советы в подготовке данной публикации.

Для цитирования: Ислямов Н.И., Мустакимов И.А. «И чтоб им повелено было для науки у нас учинить школу...»: к вопросу о подготовке переводчиков и толмачей восточных языков в Казанской губернии в 1730-х гг. // *Studia Turkologica*. 2026. Т. 1, кн. 1. С. 4–12.

«And they were ordered to establish a school for our instruction...»: On the issue of training interpreters and translators of Oriental languages in Kazan Governorate in the 1730s.

N.I. Islyamov¹, I.A. Mustakimov².

¹ Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlevskaya Street, Building 1, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russia.

1st-year Master's Student at the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, KFU

E-mail: coolislyamov@mail.ru

² Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlevskaya Street, Building 1, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russia.

Candidate of Historical Sciences (Ph.D. in History), Associate Professor at the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, KFU

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0052-5136>. E-mail: imus2007@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the publication and analysis of a document from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (AVPRI). The historical source itself, which recounts the initiative to establish in 1731 in Kazan a school for teaching foreign languages — Arabic, Persian, and Turkish — to the children of service-class and yasak-paying Tatars, is presented in the form of a report from the Collegium of Foreign Affairs and a petition (donoshenie) from the initiator of the establishment of this educational institution. The text of the source is preceded by a brief analytical overview of the document's content. The relevance of the study is determined by the need for further research on the training of interpreters and translators (perevodchiki and tol'machi) in Kazan Governorate during the first half of the 18th century, within the framework of Russia's eastern policy. The full text of this source is published here for the first time in Russian historiography.

The aim of the study is to publish the historical source presented below, which will broaden our understanding of the needs of the Russian state for translators of Oriental languages within the given chronological framework, and, to some extent, expand our knowledge of the history of Kazan in the 18th century. The tasks of the research included preparing the document for publication, analyzing the source itself, and examining the prerequisites for the initiative to establish the educational institution. The result of the study is the identification of the initiative concerning the proposed establishment of an educational institution for teaching Oriental languages in Kazan in 1731.

Keywords: Peter I's Persian Campaign, translators, interpreters, school, Aisa Kashayev, Kazan, Lower Corps, College of Foreign Affairs, Tatar servants

Acknowledgments. I consider it my duty to express my sincere gratitude to my teachers, Ilyas Alfredovich Mustakimov and Dina Abdulbarovna Mustafina, for their assistance and valuable advice in the preparation of this publication.

For citation: Islyamov N.I., Mustakimov I.A. "And they were ordered to establish a school for our instruction...": On the issue of training interpreters and translators of Oriental languages in Kazan Governorate in the 1730s. *Studia Turkologica*, 2026, vol. 1, no. 1, pp. 4–12. (In Russian)

Введение

Целью исследования является публикация приводимого ниже исторического источника, который позволит расширить понимание о потребностях Российского государства в переводчиках восточных языков в рассматриваемых хронологических рамках, а также, некоторым образом, расширить представления об истории Казани XVIII в. Актуальность обусловлена необходимостью дальнейшего изучения подготовки переводчиков и толмачей на территории Казанской губернии в первой половине XVIII в. в рамках проводимой Россией восточной политики. Полный текст данного источника публикуется впервые в отечественной историографии. Задачами явились подготовка документа к публикации, анализ самого источника и предпосылок инициативы о создании учебного заведения.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были привлечены документы из Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Методы: чтение и транслитерация документа

Как известно, летом 1722 г. начался Персидский поход Петра I. Поход окончился для России успешно. По Петербургскому мирному договору от 1723 г. Россия получала в свое владение прикаспийские провинции Персии: Гилян, Мазендеран, Астрабад, города Баку и Дербент с окрестностями. Для успешного функционирования военной администрации и полноценной коммуникации с местными персидскими чиновниками в «новоприсоединенных провинциях» и для ведения переговоров, конечно, необходимы были люди с хорошим знанием местных языков (персидский, турецкий, арабский). Одним из регионов России, в котором можно было набрать таких людей была Казанская губерния. Татарское население губернии, издревле коммуницировавшее с мусульманскими странами, обладало необходимым количеством требуемых переводчиков и, конечно, языковыми знаниями.

Отметим, что в соответствии со своим указом от 16 сентября 1723 г. казанскому губернатору А.П. Салтыкову*, Петр стал привлекать к процессу освоения новоприсоединенных персидских провинций татар, знающих необходимые языки. Петр писал: «Отправили мы секретаря Семена Аврамова в Гилянъ, и велели ему в Казани выбрать потребное число ис татаръ жителей Казанских, и ис переводчиковъ. И ты, которыхъ онъ Семень выберет, отпусти с ним без задержания». Указ практически идентичного содержания

---

* Алексей Петрович Салтыков (ум. в 1726 г.) – российский государственный деятель, представитель дворянского рода Салтыковых. В 1713 – 1716 гг. московский губернатор, после в 1719 – 1725 гг. казанский губернатор

в тот же день был отправлен и астраханскому губернатору А.П. Волынскому* с тем, чтобы он не задерживал «потребных» государству переводчиков¹.

Из текста приводимого ниже источника явствует, что его автором был татарин, казанский слободской житель по имени Аиса Кашаев. Он повествует нам о том, что по указу Петра I, приводимого нами ниже, было велено набрать толмачей и переводчиков из казанских слободских служилых татар «для переводу и толмачества» турецкого, персидского, арабского и татарского языков, и отправить их в Дербент.

Однако как повествует Кашаев в своем доношении, часть присланных татар была не годна к службе (возможно, из-за незнания языков или других личных качеств), а другая часть не выдержала тягот пути. Известно, что и сам Низовой корпус в рассматриваемый нами хронологический период нес достаточно большие небоевые потери вследствие, как тогда писали в документах, «нездорового воздуха»².

В связи с этим возникла потребность в новых знающих нужные языки переводчиках. Однако как следует из текста источника, в 1730 г. казанские слободские служилые татары, узнав про указ о перемене переводчиков, приехали в Москву и «били челом Ея императорскому величеству», а также подали доношение в Сенат о том, что у них нет людей, знающих такие языки. Вместе с тем было отмечено, что знающие люди имеются в Казанском, Синбирском и Свияжском уездах.

Согласно тексту источника, после этого последовал указ губернатору А.П. Волынскому о поиске таких людей в вышеуказанных уездах. По всей видимости, суть указа состояла в поиске лиц, владеющих турецким, персидским и арабским языками и способных осуществлять синхронный перевод речи на русский язык и интерпретацию текстов. Также отмечалось, что «ежели таких обучанных людей в помянутых уездах неавитца», то необходимо было все же посылать в Дербент тех же казанских слободских татар. Но у них таких «обучанных людей», как сообщил Аиса Кашаев, не было, поскольку не было учителей, способных обучать этому ремеслу.

Особый интерес представляю упомянутые в источнике личности. Одного из них звали Ижбулат-абыз*. В доношении Аиса Кашаев отметил, что Ижбулат-абыз являлся соборным

---

* Артемий Петрович Волынский (1689 – 1740 гг.) – активный государственный деятель России. В период с 1719 – 1730-е гг. являлся астраханским, а затем казанским губернатором. Казнен 8 июля 1740 г. по обвинению в заговоре

¹ РГАДА Ф. 9 Оп. 1. №16. Л.76

² Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735) / И. В. Курукин; Московский гос. ун-т им. М. Л. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Квадрига: Объединенная ред. МВД России, 2010. – с. 125

* Возможно, это был глава служилых татар Казанского уезда, Ишбулат-мулла, который являлся одним из участников подавления башкирского восстания 1704 - 1711 гг. См. Каганов Н.Ф., Покровский И.М. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве // ИОАИЭ. - Казань, 1906. - Т. XXI. - Вып. 4. - С. 303-

переводчиком, обучал турецкому, арабскому и персидскому языку, а также навыкам письма и толмачества. Кроме того, Ижбулат-абыз обучал основам Ислама и «содержал онои учител многие мечети». Второго персонажа звали Муртаза-ахун. Указывалось, что он был «учител астраханской», но отправлен в Низовой корпус, и там «умре».

В качестве новых преподавателей предполагаемой школы Аиса Кашаев предлагает выбрать бухарских татар, проживавших в Татарской слободе: Зейдулу-ахуна и его сына Заита, так как они были «помянутой науки достойны». На место умершего Ижбулата-абыза предполагалось взять ясачного татарина из деревни Нурлат Синбирского уезда Абдрахима муллу*. Он также мог обучать татарскому, русскому и арабскому языкам, «чтоб умели незнающей народ к присяге приводить...»

Себя же Аиса Кашаев рассматривал в качестве инспектора («надсмотрщика») школы, в функции которого будет входить отбор учеников в учебное заведение. Количество учащихся должно было составлять примерно 50 человек. А предполагаемый срок освоения учебного материала мог доходить до пяти лет, как указывалось в доношении Аисы Кашаева.

Автор доношения в Коллегию иностранных дел также просил построить школьный и абызский двор в Казани, где было можно обучать детей. Кроме того необходимо было собрать деньги на свечи, дрова, а также выделить кормовые «денги» для самого «надсмотрщика» Кашаева, учителям и ученикам для пропитания. Любопытно, что существовала нужда в охране, поэтому Кашаев просил предоставить «добраго человека одного» из солдат.

Однако согласно источнику, окончательное решение Коллегией иностранных дел принято не было. Дело было отправлено в Правительствующий сенат.

Таким образом, публикуемый нами исторический источник транслирует инициативу отдельных предприимчивых лиц создать учебное учреждение, результат деятельности которого представлялся бы востребованным в рамках проводимой Россией политики в новоприсоединенных персидских провинциях и не только. Однако Коллегия иностранных дел так и не приняла окончательного решения, отправив доношение в Сенат.

1731, 5 апреля.

Дело по челобитью Казанской татарской слободы жителя татарина Аисы Кашаева о учреждении въ Казани школы для татарскихъ детеи.

* В переписи 1748 г. населения Татарской слободы Казани упоминается некий Мухамметъ сын Абдрахима Ибраимова из деревни Нурлат Синбирского уезда вместе с сыновьями Мустафой и Мусой. См. Кононова А. Перепись населения Татарской слободы Казани 1748 г. // Гасырлар авазы - Эхо веков. 2004. №3-4 с. 88.

(л. 1) В Правительствующий сенат из коллегии иностранных делъ требовано известия во онои коллегии свияжского уезду ясачных татаръ челобитье чтоб в тамошних местах завести школу для учения разных языковъ детей их ясашных также служилых и городских и уездных татар поданом, и в котором году и месяце и числе и кемъ там челобитная подана, и потому челобитью во онои коллегии и что учинено,* и по справке в коллегии иностранныхъ делъ, в нынешнемъ 1731-м году свияжского уезду казанской татарской слободы житель татаринъ Аиса Кашаевъ во онои коллегии подал доношение чтоб в Казани учинить школы и выбрать для науки ис казанских слободских и уездных служилых и ясашных татарских малолетних рабят, и ему б татарину быть надзирателемъ, и по оному ево доношению никакова решения не учинено, понеже оное дело х коллегии иностранныхъ делъ не подлежить и оное ево доношение в Правительствующий

(л. 1 об.) сенатъ ныне присемъ подается, Иванъ

Канцеляристъ Иаков Кирилов

Апреля 5-го дня 1731 г.

№274 записано

(л. 2) В Калегию иностранныхъ делъ

Доношение

По указу блаженныя и вседостойныя памяти Его императорского величества Петра Перваго в прошлых годах как соизволили его императорское величество маршировать в Дербень с полками, повелено взят с Казанских слободских служилых татар в Дербене для переводу и толмачества турецкого персидзкого арапского и татарского языков грамоте и писат умеющих, которые могут перевести на русской языкъ двадцать семь человекъ. И потому Его императорского величества указу ис Казанских слободских служилых татар толикое число взято и посланы в Дербень для толмачества и переводу помянутых языков писем. И из оныхъ толмачей и перевотчиков явилос несколько человекъ в той службе быть негодных, а другие годные померли и ис тех оставшие толмачи и перевотчики просили у господина генерала и ковалера Михайлы* Афонасевича Матюшкина чтоб их переменит, а на умерших и не на удобные места прислат других толмачей ис казанских же слободских татар. И потому их толмаческому и перевотчиковым прошению из Дербени от господина генерала и ковалера Матюшкина прислано в Правительствующий сенат доношение чтоб по тому ихъ прошению повелено было оныхъ толмачей и перевотчиков ис Казанских же слободских служилыхъ татар прислать к ним на перемену также и на умерших и на негодные места

---

* на полях документа скрепа: секретарь

* на полях документа скрепа: Авра

понеже они люди школныя и многие такой науке знают. И потому присланному доношению ис Правительствующего сената присланъ в Казань Ея императорского величества указ чтоб ис казанских слобочких служилых татар на перемену и на убите места для толмачества и переводу писем прислать в Дербень толикое ж число обучаных и школныхъ людей. И в прошлом 730-м году казанские слобочкие служилые татары, уведомляя про оной указ приехать в Москву, били челом Ея императорскому величеству и подали в Правительствующем сенате доношение, в которомъ написали, что якобы у них таких обучанныхъ людей не имеетца и показали, что будто имеетца в Казаньском, въ Синбирском, в Свияжском уездах ясашныхъ татар таких обучанныхъ людей немалое число. И по тому же казанских слобочких служилых татар челобитью ис Правительствующаго сената в Казанскую губернскую канцелярию присланъ указ к генералу-губернатору господину Волыньскому.

(л. 2 об.) Велено ему в помянутых наших уездах освидетельствовать имеетца же такие обучанные люди, которые умеют знат турецкого, персидьского, арапского и татарского языков грамоте имеющие, которые оные языки могут перевести на руской языкъ. И ежели таких обучанныхъ людей в помянутыхъ уездах неявица то повелено посылать в Дербень ис помянутыхъ казанских слобочких татар по прежнему послать, а ныне обучанныхъ людей у нас не имеетца понеже такова учителя нет, а которой в прошлых годахъ учителя перевотчик соборной Ижбулат Абыз указом определен в учителя для учения турецкого, арапского и персидьского языков грамоте и переводу писем и толмачества и содержания Закону нашего чтоб по нашей вере умели Богу молитца и присягат, и содержал оной учитель многие мечети и оной Ижбулат Абыз в прошлых годах в Казани умре, а вместо ево никто не определенъ, а другой былъ учитель астраханской Ахун Муртаза всяких вышиписанных языков грамоте учил и в прошлых годах взят был из Астрахани в низовой корпус и в низовых корпусе умре и ныне у насъ в Казани и в помянутых уездах законнаго учителя и турецкого и персидьского и арапского языков грамоте не имеетца ж, а имеетца ныне при том же бухарской татарин, которой живет в Казани в татарской слободе Зедула Ахун, а сынъ Зайтъ и оные всякие помянутой науки достойны. На место Муртаза Ахона разных языков наших казанскихъ слобочких и уездных служилых и ясашных татарских малолетних детей в учителях и с сыном ево Зайтом быть годны и чтоб им повелено было для науки у нас учинить школу которехъ татарских детей умеющих татарской грамоте буду показывать я нижайшей ис которых могли б научитца для Ея императорского величества интересов и переводу писем. И чтоб в такую науку повелено было набрать человекъ до пятидесят и болше по моему показаванью, а мне при том быть надсмотрщиком и чтоб они были меня во всем послушны и ежели когда будет повелено указомъ взять ис такой науки для означенных переводныхъ

писем и толмачества чтоб в том остоновки не было, а именно которой примет в два в три и в четыре до пяти лет науку и которой по той науки по указу куда будут для толмачества и переводу писем посланы чтоб им повелено было жить с переменою по три года

(л. 3) А сколько взято будет повелено б было на те места брать в науку других толикое ж число, чтоб в той науке состоялись полное число. А вместо показанного умершаго законного учителя определит для содержания нашего закону Синбирского уезду деревни Нурлата ясажного татарина Абдрахима Мулла понеже он по нашему закону учитель доброй и учить бы ему татарской, арапской и русской грамоте, чтоб умели незнающей народ к присяге приводит и по нашему закону Богу молитца. И чтоб повелено было определить для науки и содержания закона нашего меня нижайшаго надсмотрщиком и сочинить нам школной и абызские дворы в Казани служилых татар слободе, где пристойно для науки татарских детей разных языковъ и татарской грамоте. И построить бы по указу, собравъ в подмогу денги, что надлежитъ настрояние* школного и абызских дворов также на свечи и на дрова и намъ какъ учителем и мне надсмотрщику такъ и ученикам кормовые денги чем бы имет пропитание. И определить и нам для охранения из салдаты доброго человека одного. А которые будутъ взяты в науку, а из науки в службу Ея императорского величества х карабелным лесам, чтоб повелено было за них платить за абызских, учительских и татарскихъ детей миром и то откуда взят и подушной оклад

Того ради иностранной коллегии государственных дел всепокорно прошу, дабы указомъ Ея императорского величества повелено было сие мое доношение в государственную коллегия иностранных дел принять и милостивейшее решение учинить, и о томъ послать в Казань в губерскую канцелярию Ея императорского величества указ

О сем доносил свияжского уезду казанской слободкой татарской слободы жител Аиса Кашаев февраля въ день 1731 году

بو دوناشين يعا من عيسى قولوم قويدوم*

АВПРИ Ф.131. Оп. 1. №2.

Заключение

Настоящее исследование позволило ввести в научный оборот ранее полностью не публиковавшийся исторический документ из АВПРИ, который позволяет более глубже взглянуть на историю Казани первой трети XVIII в. и подготовку переводчиков и толмачей в Казанской губернии

---

* на полях документа скрепа: мовъ

* Подпись на старотатарском языке: бу дунашенигэ мен Гаис кулым куйдым/ К этому доношению я Аис руку приложил

Источники

АВПРИ Ф.131. Оп. 1. №2.
РГАДА Ф. 9 Оп. 1. №16. Л.76

Литература

Катанов Н.Ф., Покровский И.М. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве // ИОАИЭ. - Казань, 1906. - Т. XXI. - Вып. 4. - С. 303-348
Кононова А. Перепись населения Татарской слободы Казани 1748 г. // Гасырлар авазы - Эхо веков. 2004. №3-4 с. 82 - 88.
Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735) / И. В. Курукин; Московский гос. ун-т им. М. Л. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Квадрига: Объединенная ред. МВД России, 2010. – 375 с.

Sources

AVPRI. F. 131. Op. 1. №2
RGADA. F. 9. Op.1. №16. L. 76.

References

Katanov, N.F., Pokrovskii, I.M. Otryvok iz odnoi tatarskoi letopisi o Kazani i Kazanskom khanstve. IOAIE. Kazan, 1906. T. XXI. Vyp. 4. S. 303–348.
Kononova, A. Perepis' naseleniia Tatarskoi slobody Kazani 1748 g. Gasyrlar avazy - Ekho vekov. 2004. № 3–4. S. 82–88.
Kurukin, I.V. Persidskii pokhod Petra Velikogo: Nizovoi korpus na beregakh Kaspiia (1722–1735). Moscow: Kvadriga: Ob"edinennia redaktsiia MVD Rossii, 2010. 375 s.

Поступила в редакцию / Received 25.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 16.07.2026

Принята к публикации / Accepted 01.08.2026

Оригинальная статья/ Original article**Османо-европейские отношения в XVII–XVIII веках: от конфронтации к культурному диалогу****Гареева Виктория Яновна**Казанский (Приволжский) Федеральный университет
gareevavictoria@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу историко-политических предпосылок возникновения европейского стилевого течения «тюркери» (turquerie) в XVII–XVIII веках. Показано, что переход от многовековой военной конфронтации и «турецкого страха» (Türkengefahr) к культурному диалогу между Османской империей и европейскими государствами стал необходимым условием формирования моды на «всё турецкое». На основе широкого круга источников (трактаты, гравюры, брошюры, дипломатические документы) прослеживается эволюция образа османа в европейском сознании - от демонизированного «бича Божьего» и «Антихриста» до объекта коллекционирования и эстетического любопытства. Ключевыми вехами этого процесса признаются Житваторокский мир 1606 г., поражение османов под Веной (1683 г.), Карловицкий мир (1699 г.) и последующие русско-турецкие войны, закрепившие военно-политическое ослабление Порты. Отдельное внимание уделяется роли дипломатических миссий как проводников знаний и визуальных образов Османской империи. Делается вывод, что «тюркери» стало не просто художественным вкусом, а прямым культурным отражением геополитической трансформации, где страх уступил место интересу, а конфронтация - диалогу.

Ключевые слова: тюркери, turquerie, Османская империя, османо-европейские отношения, турецкая угроза, Türkengefahr, культурный диалог, геополитическая трансформация, XVIII век, дипломатические миссии, ориентализм, orientalism, «Великая турецкая война», Карловицкий мир, Кючук-Кайнарджийский мир.

Для цитирования: Гареева В. Я. Османо-европейские отношения в XVII–XVIII веках: от конфронтации к культурному диалогу // Studia Turkologica. 2026. Т. 1, кн. 1. С. 13–29.

Ottoman–European Relations in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: From Confrontation to Cultural Dialogue**Gareeva V.Ya.**Kazan Federal University
E-mail: gareevavictoria@gmail.com**Abstract**

The article examines the historical and political preconditions for the emergence of the European style known as turquerie in the seventeenth and eighteenth centuries. It shows that the transition from centuries of military confrontation and the “Turkish threat” (Türkengefahr) to cultural dialogue between the Ottoman Empire and European states was a necessary condition for the fashion for all things Turkish. Drawing on a broad range of sources—treatises, engravings, pamphlets, and diplomatic documents—the study traces the transformation of the Ottoman image in European consciousness from a demonized “scourge of God” and “Antichrist” into an object of collecting and aesthetic curiosity. Particular attention is paid to the Peace of Zsitvatorok (1606), the Ottoman defeat at Vienna (1683), the Treaty of Karlowitz (1699), subsequent Russo-Turkish wars, and diplomatic missions as channels of knowledge and visual imagery. The article concludes

that turquerie was a cultural reflection of geopolitical transformation, in which fear gradually gave way to interest and confrontation to dialogue.

Keywords: turquerie, Ottoman Empire, Ottoman–European relations, Turkish threat, Türkengefahr, cultural dialogue, geopolitical transformation, eighteenth century, diplomatic missions, Orientalism, Great Turkish War, Treaty of Karlowitz, Treaty of Küçük Kaynarca.

For citation: Gareeva V. Ya. Ottoman–European Relations in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: From Confrontation to Cultural Dialogue. *Studia Turkologica*, 2026, vol. 1, no. 1, pp. 13–29. (In Russian)

Вводная часть

Феномен стилового течения «тюкери» («turquerie»)³, ставший визитной карточкой европейской светской культуры эпохи Просвещения, уходит своими корнями не столько в историю искусства, сколько в глубинные пласты политической истории. Его загадочные, подчас сказочные образы - томные паши, прекрасные невольницы, величественные султаны - представляются нам сегодня безобидной фантазийной декорацией этого «галантного века». Однако само возникновение этого специфического эстетического измерения, позволявшего видеть в недавнем грозном противнике источник вдохновения для будуаров и празднеств, знаменует собой один из самых резких поворотов в европейском сознании Нового времени, подготовленным долгим и противоречивым закатом старого геополитического миропорядка. Расцвет «моды на всё турецкое» в салонах Парижа и Вены, в загородных резиденциях от Петербурга до Потсдама был невозможен в обстановке многовековой военной конфронтации и религиозной вражды Запада и Порты, и лишь на рубеже XVI-XVII веков эта прежняя парадигма османо-европейских отношений нашла своё продолжение в той исторической трансформации, которая сделала его возможным - в медленном, но необратимом переходе от взаимного страха и отчуждения к сложному, многоуровневому диалогу, в пространстве которого и вызрел этот «причудливый цветок культурного мифотворчества» под названием «тюкери».

Изучение механизмов трансформации образа «чужого» - от врага к партнёру, от страха к любопытству - сохраняет теоретическую и практическую значимость и сегодня, в эпоху междивилизационных взаимодействий. Кроме того, переосмысление истории османо-европейских отношений позволяет скорректировать упрощённые представления о тотальной «несовместимости» христианского и мусульманского миров в раннее Новое время.

---

³ Власов В. Г. Стили в искусстве. Словарь (архитектура, графика, декоративно-прикладное искусство, живопись, скульптура). Том 1. «Тюркери» / В. Г. Власов // «Лита». 1998. №1. С. 561.

Так, целью данного исследования является доказательство того, что формирование феномена «тюркери» явилось прямым следствием и культурным отражением геополитической трансформации в отношениях Османской империи и европейских государств на протяжении XVII–XVIII вв. Для этого было необходимо:

- 1) охарактеризовать парадигму «турецкого страха» и её пропагандистские инструменты;
- 2) выявить ключевые военно-политические рубежи, изменившие баланс сил (Житваторокский мир, осада Вены 1683 г., Карловицкий мир, русско-турецкие войны);
- 3) показать роль дипломатических миссий как каналов культурного обмена.

В зарубежной историографии проблема получила особое освещение в работах А. Хёфферта (а именно обоснование им термина *Türkengefahr* («Страх турок»)) и Ф. Бабингера (исследование факта существования *Türkenbüchlein* («Турецкие брошюры»)). Российские исследователи (А.Д. Новичев, Н.В. Хрякова, М.К. Мнякина) обращались к отдельным аспектам военного противостояния и дипломатическим контактам. Источниковую базу прежде всего составили: трактат Катона Сакко «Семидеус» (1438), гравюры А. Дюрера, отрывки лютеранских гимн, дипломатические донесения П.А. Толстого, альбом Ж.-Б. Ванмура (1714), а также тексты мирных договоров (Житваторокский, Карловицкий, Кючук-Кайнарджийский).

Несмотря на то, что стилевое течение «тюркери» достаточно известно в историко-культурологической науке, тем не менее комплексного анализа, связывающего геополитические изменения с возникновением «тюркери», до сих пор не представлено, и поэтому научная новизна работы состоит в том, что феномен «тюркери» впервые рассматривается не как изолированное художественное явление, а именно как «культурное отражение» целостной геополитической трансформации, прослеженной от эпохи тотальной конфронтации (XIV–XVI вв.) до нового баланса сил в XVIII веке. Также в исследовании вводится в оборот тезис о том, что ослабление «турецкого страха» и рост дипломатических контактов создали необходимые условия для первичной эстетизации образа жизни османов.

Основная часть

На протяжении всей истории института государства и общины, господство одного государственного образования над другими внушало его соседям-соперникам если не прямую угрозу, то точно устрашающее любопытство. Так, османское поселение в Румелии со второй половины XIV века, а затем и стремительное продвижение османов в Европу породило страх перед турками в этом регионе, что в конечном счёте переросло в целое историческое явление, получившее в историографии название «Турецкий страх» или

«Турецкая угроза» (от нем. «Türkengefahr»⁴). Оно обозначало преобладание ужасающего панического настроения в западноевропейском обществе в период XIV-XVII веков по отношению к Османской империи. Этот страх использовался как самими османами, которые были его непосредственным источником, так и европейцами, которые находились под его влиянием: в то время как османы использовали страх перед собой как фактор, способствующий их успешным разгромным военным кампаниям, европейцы использовали его для создания негативного общественного мнения о турках и предотвращения принятия ислама покорённым османами населением.

Так, на рубеже XIV-XV веков османский султан Баязид I предпринял наступление на византийские владения, вторгшись в Аттику и Пелопоннес с целью последующего захвата Константинополя⁵. Тогда столица Византии была взята в осадное кольцо с суши, а её пригороды разорены, что стало частью продолжившейся экспансии Османской империи на Балканы. Однако правители балканских государств, в первую очередь, Сербии и Болгарии, действовали разрозненно, что помешало созданию единого фронта сопротивления. Решающим моментом стало поражение сербско-боснийского войска в 1389 году в битве на Косовом поле, где османы впервые использовали артиллерию. Последовавшее завоевание Сербии и Болгарии создало прямую угрозу для Венгрии, а затем и для центральноевропейских земель в целом. Кульминацией стала победа Баязида I над армией венгерского короля Сигизмунда в 1396 году в сражении под Никополем.

Такой решительный прорыв османов на балканских землях вызвал глубокую озабоченность в европейских кулуарах и поставило вопрос о необходимости консолидации. Под давлением влиятельных кругов папа Евгений IV в 1431 году инициировал Базельский собор, на котором было обговорено введение церковной десятины для финансирования сопротивления османам и начать переговоры с представительством восточного христианства о совместных действиях⁶. Кроме того, Евением II также был дан официальный папский мандат на крестовый поход против турок.

В этой тревожной атмосфере в 1438 году появился трактат «Семидеус» (в пер. «Полубог» или «Герой»)⁷ миланского гуманиста Катона Сакко, ставший идейным

---

⁴ Höfert, A. Die «Türkengefahr» in der Frühen Neuzeit / A. Höfert. Wiesbaden. 2009. VS Verlag für Sozialwissenschaften. S. 61.

⁵ Новичев А. Д. История Турции. Эпоха феодализма (XI-XVIII вв.). I. / А. Д. Новичев // Издательство Ленинградского университета. 1963. №1. С. 36.

⁶ Хрякова Н. В. Планы итальянских гуманистов по спасению византийской империи от разгрома турками в первой половине XV века (в свете трактата К. Сакко «Семидеус») / Н. В. Хрякова // Электронный научный журнал Курского государственного университета «Учёные записки». 2008. №3. С. 45.

⁷ Люблинский В.С. Semideus Катона Сакко / В. С. Люблинский // Средневековье в рукописях Публичной библиотеки. Издательство Государственной Публичной библиотеки. 1927. № 2. С. 99.

воплощением стремления спасти падающую под османским гнѐтом византийскую цивилизацию, что было особенно волнующе для поклонников наследия античного мира. В своём трактате Сакко апеллировал к герцогу Милана Филиппо Мариа Висконти, призывая его возглавить военную экспедицию против османов. Однако этой инициативе, нашедшей поддержку и среди остальных представителей гуманистических кругов, активно противодействовали торгово-олигархические элиты Флоренции и Венеции, чьи коммерческие интересы резонно расходились с идеей масштабного крестового похода против «османской чумы», и эта идея не нашла своего воплощения в жизнь.

Тем не менее, настоящим катализатором возникновения данной «османофобии» стало ошеломляющее падение Константинополя в 1453 году. Падение Византии окончательно заложило в европейском восприятии идею об османской экспансии как о посягательстве на восточно-христианское культурное наследие и легитимизировало взгляд на османов не просто как на политических противников, а как на варварских захватчиков, представляющих угрозу всему христианскому миру. Известно, что вскоре после покорения Константинополя Папа Николай V издаёт указ, в котором он изображает султана Мехмеда II Завоевателя как «Антихриста» и сравнивает его с «красным драконом Апокалипсиса», который носит на себе «семь голов с семью диадемами и десятью рогами», а также был назван им «сыном Сатаны»⁸. В этом контексте одним из лучших исторических свидетельств, иллюстрирующих отражение «Турецкого страха» в искусстве того времени, является портретная гравюра анонимного авторства от 1470 года, подписанная в правом нижнем углу на итальянском языке как «El Gran Turco» (в пер. «Великий турок»), изображающий предполагаемый вид турецкого властителя, ключевой элемент образа которого – шлем в форме того самого «дракона»⁹.

Устрашающий образ турка продолжает культивироваться в гравюре Альбрехта Дюрера под названием «Восточный правитель, сидящий на троне» (1495 г.). На этой гравюре турецкий султан, изображённый в довольно суровом и устрашающем виде, держит меч в правой руке и земной шар в левой, символизируя своё господство над миром, подобно императорам Священной Римской империи¹⁰. Тем не менее, эта гравюра, помимо того, что выражает отождествление собирательного образа османского правителя с чем-то устрашающим в европейском воображении, также свидетельствует о том, что в Европе начала укореняться вера в то, что турки-османы способны господствовать над всем миром.

---

⁸ Проза.ру [Электронный ресурс] // Османы как Дракон Востока... (Эльфира Ахметова). Режим доступа: <https://proza.ru/2017/05/27/1167?ysclid=mky8obbqf194602995>, свободный. проверено 28.01.26

⁹ Necipoğlu, G. Visual cosmopolitanism and creative translation: Artistic conversations with Renaissance Italy in Mehmed II's Constantinople / G. Necipoğlu. Muqarnas. 2012. Brill. P. 13.

¹⁰ Alarşlan, B. Türk imajının görsel yansımaları. Dünyada Türk imgesi içinde / B. Alarşlan. İstanbul. 2016. Kitap Yayınevi. S. 136.

Спустя почти столетие, при непреходящем демонизированном восприятии османов, прославленный немецкий богослов-реформатор Мартин Лютер в 1528 году в контексте катастрофического поражения венгерской армии в битве при Мохаче (1526 г.) и подступления османов к Вене (будет осаждена в 1529 г.) издаёт трактат «О войне против турок» (нем. «Vom Kriege wider die Türken»), где, соотнося ключевую фигуру мусульманского мира, пророка Мухаммеда, с «рогом Зверя из видения Даниила», полагал, что «нашествие турок есть Божье наказание за грехи»¹¹.

Так, «Турецкий страх» прежде всего имел ярко выраженную религиозную подоплёку. Стремясь распространить эту боязнь, последователи итальянских гуманистов на территории Священной Римской империи (в большинстве своём, теологи-лютеране) продолжали отождествлять османов с «исламской грозой» христианского мира, и главным подспорьем им в этом была их проповедческая деятельность и распространение специализированной религиозной литературы. Немалые усилия по демонизации образа «кроважного османа» были приложены, прежде всего, посредством массового выпуска так называемых «брошюр о турках»¹² (нем. «Türkenbüchlein») для популяризации их среди широкой аудитории. Основными темами, поднимаемыми в текстах данных брошюр, были обзоры военных успехов осман и их продвижение в европейские страны, призванные держать население в страхе перед геополитическим и идеологическим соперником, а также описание их «варварских» обычаев и устоев¹³. Первые из них были опубликованы в 1522 году, и на конец века их общее количество в Европе достигло отметки в 2500 печатных изданий¹⁴. Нередко в этих брошюрах присутствовало и визуальное сопровождение текста, в виде гравюр и лубочных картинок призванное графически представлять зачастую утрированные образы «свирепых осман».

Тему «турецкой жестокости» продолжили народные баллады и песни, в основном распространённые на немецких землях. Они также были адресованы широким слоям населения и действовали наиболее эффективно на эмоциональном уровне, закрепляя образ жестокого врага в коллективной памяти. Пожалуй, самым ярким примером таких песен является лютеранский гимн Мартина Лютера под названием «Erhalt uns, Herr, bei deinem

¹¹ Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс] // текст трактата Мартина Лютера «О войне против турок» (нем. «Vom Kriege wider die Türken»). Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002429972/?ysclid=ml44j6yxha377540994, свободный. Проверено 29.01.26

¹² Babinger, F. Zwei bayerische Türkenbüchlein (1542) und ihr Verfasser / F. Babinger. München. 1959. Verlag der bayerischen Akademie der Wissenschaften. S. 6.

¹³ Internet Archive [Электронный ресурс] // Ein liedt vom Türcken und Antichrist. Режим доступа: <https://archive.org/details/den-kbd-pil-130018150078-001/page/n8/mode/2up>, свободный. Проверено 30.01.26

¹⁴ Kaufmann, T. «Türkenbüchlein»: zur christlichen Wahrnehmung in Spätmittelalter und Reformation / T. Kaufmann. Göttingen. 2008. Vandenhoeck & Ruprecht. S. 20.

Wort»¹⁵ (пер. «Сохрани нас, Господи, при слове Твоём») от 1541 года, в котором уже второй строкой идёт упоминание о турецкой угрозе: «Und steur' des Papsts und Türken Mord» (пер. «И обуздай убийственный гнев папы и турок»), что прямо выражает политико-идеологические реалии того времени, краеугольным камнем которых являлся «турецкий страх» и сопутствующая ему антиосманская пропаганда.

Одним из иных наглядных примеров-пережитков исторического явления «Турецкой угрозы» в европейском социокультурном пространстве можно назвать и сохранившиеся до наших дней «колокола против турок» (нем. «Türkenglocke»¹⁶). Чаще всего они представляли из себя прицерковные колокола, звон которых предупреждал население о угрозе набега со стороны османов и служил самым быстрым способом оповестить жителей об опасности. Примером такого рода колокола является церковный колокол в паломнической церкви Мария Гайль (Türkenglocke von Maria Gail¹⁷) в одноимённой деревне недалеко от австрийского города Филлах. Согласно местной легенде, своевременный сигнал тревоги, подаваемый из этого колокола при попытке турецкого набега на город в 1478 году, позволил своевременно консолидировать местное ополчение, благодаря чему нападение османов было успешно отражено.

Способом постоянного напоминания населению о существовании как общего врага, так и обременяющих обязательств по его сдерживанию был так называемый «налог против турок»¹⁸ (нем. «Türkensteuer» или «Türkenhilfe»¹⁹). Этот налог часто носил характер чрезвычайного сбора и взимался как с имущих классов, так и с простого населения и имел целью финансирование оборонительных войн, содержание гарнизонов в пограничных крепостях (например, в Венгрии) и строительство укреплений. Введение такого налога было мощным пропагандистским актом, ведь он свидетельствовал о реальности угрозы в лице «вездесущих османов» и уплата его подавалась как гражданский долг каждого христианина в защите веры и отечества.

---

¹⁵ Martin Luther's Geistliche Lieder [Электронный ресурс] // текст лютеранского гимна Мартина Лютера «Erhalt uns, Herr, bei deinem Wort und steur' des Papsts und Türken Mord». Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/47861/47861-h/47861-h.htm>, свободный. Проверено 30.01.26

¹⁶ Historisches Lexikon Bayerns [Электронный ресурс] // Türkengefahr (Spätmittelalter/Frühe Neuzeit). Режим доступа: [https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/T%C3%BCrkengefahr_\(Sp%C3%A4tmittelalter/Fr%C3%BChe_Neuzeit\)#T%C3%BCrkenbilder_und_T%C3%BCrkenglocke](https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/T%C3%BCrkengefahr_(Sp%C3%A4tmittelalter/Fr%C3%BChe_Neuzeit)#T%C3%BCrkenbilder_und_T%C3%BCrkenglocke), свободный. Проверено 30.01.26

¹⁷ ÖsterreichWiki [Электронный ресурс] // Türkenglocke von Maria Gail. Режим доступа: https://oesterreichwiki.org/wiki/T%C3%BCrkenglocke_von_Maria_Gail, свободный. Проверено 30.01.26

¹⁸ WikiSource [Электронный ресурс] // Die Türkensteuer. Режим доступа: https://de.wikisource.org/w/index.php?title=Seite:Die_T%C3%BCrkensteuer.pdf/2&oldid=-, свободный. Проверено 30.01.26

¹⁹ Internet Archive [Электронный ресурс] // Die Türkenhilfe und die politisch-kirchlichen Parteien auf dem Reichstag zu Regensburg 1532. Режим доступа: <https://archive.org/details/dietrkenhilfeu00west/page/n3/mode/2up>, свободный. Проверено 30.01.26

Призрак «Турецкой угрозы» ещё долго бродил по Европе. «Бич Божий» в лице османской армии успешно противостоял европейскому сопротивлению до конца XVII века. На протяжении веков геополитическое противостояние Османской империи имело чётко очерченные географические контуры, формируя реальность «двух миров»: на сухопутном фронте в Центральной Европе Порты продолжала затяжные приграничные конфликты с Габсбургами и Речью Посполитой за влияние в Восточной Венгрии, Трансильвании и Молдавии, а на морском театре военных действий, в Средиземноморье, османский флот вместе с берберийскими корсарами противостоял Венеции, Генуе и Испании, угрожая прибрежным поселениям и торговым путям. Тем не менее, исторической науке известен факт существования немыслимого по своей идее франко-турецкого альянса, прозванного современниками «кошунственным союзом лилии с полумесяцем²⁰». Он был тайно заключён в 1536 году между королём Франции Франциском I и султаном Сулейманом I и имел целью совместное противостояние династии Габсбургов, господствовавшей в Испании и Священной Римской империи. Это был один из самых длительных альянсов в истории, продлившийся целых 262 года. Османы оказывали французам финансовую поддержку и координировали с ними свои боевые действия против гегемонии Дома Габсбургов, что часто воплощалось содействием французов вылазкам берберийских пиратов (например, как в 1543 году двустороннее войско герцога Энгиенского и Хайреддина Барбароссы осадило Ниццу²¹), за что Франция получала торговые и юридические привилегии для своих купцов в Османской империи. Этим историческим обстоятельством во многом объясняется наиболее активное распространение стилевого течения «тюркери» прежде всего при французской знати и дворах.

Параллельно на северном направлении формировалось отдельное, но не менее стратегически важное противостояние османов на Чёрном море с набирающим силу Русским государством. Его основой была продолжительная борьба за контроль над Северным Причерноморьем и степями, где вассал Порты, Крымское ханство, осуществлял регулярные опустошительные набеги на южные окраины России. Впрочем, длительной войне между Османской империей и Габсбургами было суждено завершиться знаковым в контексте сдвига в парадигме восприятия османов в международном сообществе Житваторокским миром 1606 года²². Это соглашение примечательно тем, что оно прослыло в истории османо-европейских отношений как первый документ, оформленный на условиях относительного

²⁰ Приходько Д. С. Позиция Франции в «Восточном вопросе» (1798-1812 гг.) / Приходько Д. С. // Архонт. 2018. №5. С.74.

²¹ Электронная библиотека ЛитМир [Электронный ресурс] // Дюма-отец Александр. Путевые впечатления. Год во Флоренции. Режим доступа: <https://litmir.club/br/?b=812063&p=85>, свободный. Проверено 30.01.26

равенства сторон: сторона Габсбургов освобождалась от налогов, а османский султан отказывался от дальнейших территориальных притязаний в Венгрии. Пусть Житваторокский мир и не прекратил конфронтацию сторон, однако его подписание стало поворотным событием, направившим взаимодействие с османами в регулируемое русло и заложившее основы для будущей системы постоянных дипломатических контактов между «двумя полюсами», в орбиту которой постепенно втягивалось и Русское государство.

Отныне Османской империи пришлось мириться с новой реальностью, выраженной в резком и основательном структурном переломе в балансе сил сторон, начавшемся в последней трети XVII века и обусловленном коллективным усиленным давлением на Порту как со стороны западных, так и со стороны северных союзников. В этих обстоятельствах стал назревать ряд военных кампаний, результат которых стал символической точкой невозврата османов к былой боевой славе и непоколебимому геополитическому авторитету. Эта серия военных конфликтов закрепила за собой в историографии наименование «Великая турецкая война»²³ («Война Священной лиги», 1683-1699), начало которой положил сокрушительный провал осады Вены армией великого визиря Мерзифонлу Кара Мустафы-паши в 1683 году. Именно этот разгром османов союзным войском в составе австрийских, немецких и польских отрядов во главе с королём Речи Посполитой Яном III Собеским проложил путь к самому значительному отступлению Порты на центральноевропейском направлении, что играло на руку Европе не столько как со стратегической, сколько как с психологической точки зрения: миф о непобедимости османской армии был вдребезги разрушен. Неудачная осада Вены стала последней крупной наступательной операцией Порты в Центральной Европе, после которой стратегическая инициатива окончательно перешла к христианским державам. В то же время на северном фронте вступила в «коалиционную игру» и Россия. Примкнув к Священной лиге, молодым царём Петром I в 1686-1700 были предприняты первые военные операции, среди которых - Азовские походы 1695-1696 годов, увенчавшиеся взятием этой ключевой крепости. Так, Константинопольский мир 1700 года закрепил за Российским государством первый стратегический прорыв к Азовскому морю²⁴.

---

²² Энциклопедия Всемирная история [Электронный ресурс] // Житваторокский мир 1606. – Режим доступа: <https://w.histrf.ru/articles/zhitvatorokskiy-mir-1606?ysclid=ml5i21iph8290624059>, свободный. – проверено 30.01.26

²³ Tuğluca, M. Osmanlı-Kutsal İttifak Savaşlarında Bir Savaş Finansman Kaynağı Olarak Nefir-i Âmm Bedeli / M. Tuğluca. Eskişehir. 2023. Osmanlı Araştırmaları. S. 83.

²⁴ Историческая библиотека русской цивилизации [Электронный ресурс] // Трактат, заключенный в Константинополе между Россией и Турцией (1700 июля 3). Режим доступа: https://russportal.ru/index.php?id=russia.traites_convention1700_07_03_01&ysclid=ml5jv33ehg882409586, свободный. Проверено 30.01.26

Окончательным юридическим оформлением нового геополитического миропорядка стал Карловицкий мир 1699 года²⁵. Завершивший своим подписанием «Великую турецкую войну», это был первый договор, зафиксировавший не временное перемирие, а долгосрочное отступление Османской империи с крупными территориальными потерями в пользу Габсбургов, Речи Посполитой и Венеции. Отныне были заложены основы совершенно новой системы международных региональных отношений, в которой Порты окончательно и бесповоротно перестала быть ведущей стороной. Согласно Карловицкому миру, Османская империя впервые и навсегда уступила значительные и некогда ключевые тактически важные территории Священной Римской империи, Речи Посполитой и Венеции (Венгрию, Трансильванию, Подолию, территории Пелопоннеса и Далмации), что юридически закрепило очевидное и необратимое военное ослабление Порты. Последующие войны XVIII века с Австрией, Россией и Венецией лишь подтвердили военно-техническое и организационное превосходство над османами, предпочитавшими отныне в основном оборонительную тактику. Завершив очередную войну с Габсбургами, Османская империя по Пожаревацкому миру 1718 года²⁶ уступила Австрии другие стратегически важные территории - Банат, Олтению и северную Сербию с ключевой крепостью Белград. Важно заметить, что именно к этому времени к османской элите наконец пришло осознание необходимости изучения и внедрения в своём государстве достижений европейской науки и технологий. Тем самым в истории Османской империи и начинается период, получивший название «Эпоха тюльпанов» как время попытки первой идеологической переориентации государства, характеризующейся повышенным вниманием к европейским технологиям, архитектуре и искусству. Отражением такой стратегической дилеммы Османского государства стало открытие в 1727 году под руководством Ибрагима Мютеферрики первой постоянной османской типографии, что стало ключевым проектом «интеллектуального перевооружения» и легитимации светского печатного слова в поисках путей спасения империи, нацеленных на перевод и распространение современных светских знаний среди османских государственных служащих и учёных-улемов²⁷. Так, подобного рода мероприятия проложили путь долгосрочному процессу неотвратимого отхода османов от былых незыблемых аутентичных основ государственности при постепенном проникновении

---

²⁵ Энциклопедия Всемирная история [Электронный ресурс] // Карловицкий мир. Режим доступа: <https://w.histrf.ru/articles/karlovickiy-mir?ysclid=ml5k30wwoa273886472>, свободный. Проверено 01.02.26

²⁶ Хронос [Электронный ресурс] // Пожаревацкие мирные договоры 1718 года. Режим доступа: <https://hrono.ru/dokum/1700dok/1718pozharec.php?ysclid=ml5kksy2wb786616543>, свободный. Проверено 01.02.26

²⁷ Руниверс [Электронный ресурс] // В 1727 году в Турции открылась первая типография. Режим доступа: <https://runivers.ru/articles/events/v-1727-godu-v-turtsii-otkrylas-pervaya-tipografiya-420680/?ysclid=ml5kv8xqn5268771185>, свободный. Проверено 01.02.26

западных культурных элементов, что следовало за выбором стратегии признания невозможности ведения наступательных войн в пользу тактики сохранения длительного мира и дипломатии на протяжении первой половины XVIII века.

Тем не менее, апогеем военно-стратегического провала Османской империи во второй половине XVIII века стали русско-турецкие войны, самые весомые баталии которых остались за Российской империей. Среди них и блестящие победы русской армии под командованием П.А. Румянцева при Ларге и Кагуле (1770 г.), и полное уничтожение османского флота в Чесменском сражении (1770 г.), и захват Крыма (1771 г.). В результате военной кампании в 1774 году был подписан прославленный Кючук-Кайнарджийский мирный договор²⁸, ставший революционной победой российской армии и беспрецедентным поражением османов: была объявлена независимость Крымского ханства, фактически переходящего под российский протекторат и открывавший для России черноморский флот, а также Российской империи было предоставлено право покровительства православным подданным османского султана. Так, было юридически закреплено не только военное превосходство русских, но и их фактическое право вмешательства во внутренние дела Порты. Всё это в конечном счёте привело к тому, что образ и авторитет Порты в глазах Европы к моменту конца XVIII века коренным образом эволюционировал из «грозы христианского мира» в представление о «хромом» государстве, еле державшемся на костылях последних имперских амбиций. Так, былой «турецкий страх» в лице угрозы посягательства на европейскую государственность сменился на политический интерес к вопросам влияния, торговых привилегий и баланса сил вокруг «османского наследства», который в будущем получит название «Восточный вопрос» как дискуссия о судьбе слабеющей империи.

Однако освоение османского мира всё-таки началось с его художественно-коллекционерского потенциала, и ключевым проводником этого османо-европейского культурного диалога между странами стали дипломатические миссии. В целом, в предмете изучения Османской империи очень значима роль именно российских дипломатических представителей. Широко известно высказывание Ф. Энгельса о том, что «Турция была до греческого восстания во всех отношениях terra incognita, и распространённые о ней среди публики банальные представления покоились больше на сказках из «Тысячи и одной ночи», чем на исторических фактах», и лишь «в России... нашлось достаточно людей, способных

---

²⁸ Internet Archive WayBackMachine [Электронный ресурс] // Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20081202083945/http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/kuchuk.htm>, свободный. – Проверено 01.02.26

понять истинное положение и характер Турции», и «в то время, как Англия, Франция и в течение длительного времени даже Австрия бродили в потёмках, пытаясь определить свою восточную политику», Россия, «которая сама являлась страной с полуазиатскими общественными условиями, обычаями, традициями и учреждениями», сумела «полностью освоиться с турецкими делами»²⁹. Осведомлённость Русского государства о делах и порядках турецкого Востока доселе ограничивалась разрозненными сведениями, накопленными стараниями паломников, купцов, военных и пленных, однако начиная со времён Петра I интерес России к своему беспокойному южному соседу начинает оформляться в новое измерение знаний об османах. Так, в 1702 году при султанском дворе учреждается первое постоянное российское посольство во главе с графом Петром Андреевичем Толстым³⁰. Тогда же он впервые начал вести подробный путевой дневник, занимающий видное место среди путевых заметок европейских дипломатов, отправлявших службу в Османской империи того периода. В своих «статейных списках», «отписках» на «статьи», донесениях и других документах П. А. Толстой подробно докладывает о встречах с высшими должностными лицами османского государственного аппарата, а также преподносит серьёзное исследование разных сфер жизнедеятельности Османской империи, производя опись «тамошнего народа состояние», «какое там управление» и «которые государства из приграничных соседей в первом почитании у себя имеют», «с кем хотят мир держать и войну вести и для каких причин»³¹. При этом послу указывалось обратить первостепенное внимание на состояние торговли и особенно на флот, что было особенно актуально в российских реалиях активного «петровского кораблестроения». Уже через год службы П. А. Толстым было составлено подробное описание внутренней жизни Османской империи, где были освещены ценные сведения по многим важным вопросам, которые так подробно не освещались ни в самих турецких, ни в каких-либо других европейских источниках начала XVIII века³².

Так, европейские посольства в Османскую империю в XVIII веке представляли из себя не столько политические представительства, сколько «информационно-коллекционерские миссии»: послов намеренно сопровождали художники, коллекционеры и даже так называемые «люди мысли», собиравшие свидетельства османской действительности для их

---

²⁹ Государственное издательство политической литературы [Электронный ресурс] // Ф. Энгельс. Турецкий вопрос. Режим доступа: <http://www.uaio.ru/marx/09.htm?ysclid=ml6yeo5vye591541777>, свободный. Проверено 01.02.26

³⁰ Мнякина М. К. П. А. Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века / М. К. Мнякина // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №14. С. 74.

³¹ Чепильченко Е. И. Круг восточных советников Петра I / Е. И. Чепильченко // Вестник Московского университета. 2018. №13. С. 77.

³² Библиотека древних рукописей DrevLit.Ru [Электронный ресурс] // Османская империя в начале XVIII в. и её описание П. А. Толстым. Режим доступа: https://drevlit.ru/texts/t/tolstoy_pred.php?ysclid=ml6m8bkqza72307619#4, свободный. проверено 01.02.26

дальнейшей интерпретации в своих целях. Ярким примером подобных мероприятий является история создания альбома гравюр «Recueil de cent estampes représentant différentes nations du Levant»³³ («Собрание ста гравюр, изображающих различные народы Леванта», 1714 г.) авторства Жана-Батиста Ванмура: в 1712 году французский посол Шарль де Ферриоль поручил фламандскому художнику создать серию картин, изображавших быт населения Османской империи для его представления парижской публике. Альбом в одночасье стал абсолютным «хитом» авторитетных европейских галерей и выставок, многократно переиздавался и копировался, став главным визуальным источником по ознакомлению с культурой османов.

Таким образом, всё выше рассмотренное нами доказывает, что возникновение стилевого явления «тюркери» стало прямым следствием и культурным отражением той основательной геополитической трансформации, которую претерпели осmano-европейские отношения на протяжении XVI-XVIII столетий. Появление «моды на всё турецкое» стало закономерным итогом уникального исторического сдвига, осознаваемого как выстраивание нового типа взаимоотношений между Османской империей и европейскими государствами, где налаженные дипломатические каналы и растущий взаимный культурный интерес начали теснить пережитки былого векового страха и противостояния. Исходной точкой этого процесса была парадигма тотальной конфронтации, сформированная в XVI веке под влиянием психологии «Турецкой угрозы» (Türkengefahr), которая пропагандировалась среди европейского населения антимусульманскими проповедями и идеологическими «турецкими брошюрами», подкреплёнными реальностью хронических войн на сухопутных (противостояние с Габсбургами) и морских (борьба за Средиземноморье) фронтах. Откровенно религиозную подоплёку эта деятельность приобрела после падения в 1453 году «Второго Рима», «Вечного города» Константинополя, когда данное посягательство на житницу восточного христианства стало долгосрочно ассоциироваться с «пришествием Антихриста» в лице осман. Первой трещиной в этой парадигме стал Житваторокский мир 1606 года, впервые установивший принцип относительного равенства сторон и заложивший основу для выстраивания будущей дипломатической системы. Решающему перелому в контексте восприятия османов на мировой арене было суждено случиться лишь под конец XVII века. Тогда Символическое поражение османской армии под Веной в 1683 году разрушило миф о непобедимости Порты, а Карловицкий мир 1699 года юридически оформил новый баланс сил, зафиксировав необратимое военно-политическое отступление Османской

---

³³ Internet Archive [Электронный ресурс] // Recueil de cent estampes representant differentes nations du Levant. Режим доступа: https://archive.org/details/gri_33125015119957/page/n197/mode/2up, свободный. Проверено 01.02.26

империи. В это же время в османскую действительность впервые начинают проникать европейские технологии, а прежде всего, зачатки интереса к западной мысли и культуре. Последующие поражения в русско-турецких войнах XVIII века, кульминацией которых стал триумфальный Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года, закрепили эту тенденцию исчезновения экзистенциальной угрозы в лице Османской империи, окончательно трансформировав в сознании европейских элит образ Порты из «бича Божьего» в «больного человека Европы», а позже и объект «Восточного вопроса». Одновременно с военным переломом складывались и укреплялись дипломатические связи, постепенно переходящие к системе постоянных посольств, деятельность которых создала постоянный поток информации о бытовом и идеологическом опыте восточного государства, визуальных образов и материальных объектов, замещая мифологизированный «образ врага» новыми знаниями и осязаемыми артефактами, которые становились желанными коллекционными предметами при всех европейских знатных дворах. Так, страх перед османами уступил место любопытству, а угроза «варварского» завоевания - моде на заимствование «турецкой экзотики».

Литература:

- Библиотека древних рукописей DrevLit.Ru [Электронный ресурс] // Османская империя в начале XVIII в. и её описание П. А. Толстым. – Режим доступа: https://drevlit.ru/texts/t/tolstoy_pred.php , свободный. – проверено 01.02.26
- Государственное издательство политической литературы [Электронный ресурс] // Ф. Энгельс. Турецкий вопрос. – Режим доступа: <http://www.uaio.ru/marx/09.htm> , свободный. – проверено 01.02.26
- Историческая библиотека русской цивилизации [Электронный ресурс] // Трактат, заключенный в Константинополе между Россией и Турцией (1700 июля 3). – Режим доступа: https://rusportal.ru/index.php?id=russia.traites_convention1700_07_03_01 , свободный. – проверено 30.01.26
- Internet Archive [Электронный ресурс] // Recueil de cent estampes representant differentes nations du Levant. – Режим доступа: https://archive.org/details/gri_33125015119957/page/n197/mode/2up , свободный. – проверено 01.02.26
- Internet Archive WayBackMachine [Электронный ресурс] // Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20081202083945/http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/kuchuk.htm> , свободный. – проверено 01.02.26
- Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс] // Текст трактата Мартина Лютера «О войне против турок» (нем. «Vom Kriege wider die Türken»). – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002429972/ , свободный. – проверено 29.01.26
- Проза.ру [Электронный ресурс] // Османы как Дракон Востока... (Эльфира Ахметова). – Режим доступа: <https://proza.ru/2017/05/27/1167> , свободный. – проверено 28.01.26
- Руниверс [Электронный ресурс] // В 1727 году в Турции открылась первая типография. Режим доступа: <https://runivers.ru/articles/events/v-1727-godu-v-turtsii-otkrylas-pervaya-tipografiya-420680/> , свободный. – проверено 01.02.26
- Хронос [Электронный ресурс] // Пожаревацкие мирные договоры 1718 года. – Режим доступа: <https://hrono.ru/dokum/1700dok/1718pozharec.php> , свободный. – проверено 01.02.26

- Электронная библиотека ЛитМир [Электронный ресурс] // Дюма-отец Александр. Путевые впечатления. Год во Флоренции. – Режим доступа: <https://litmir.club/br/?b=812063&p=85>, свободный. – проверено 30.01.26
- Энциклопедия Всемирная история [Электронный ресурс] // Житваторокский мир 1606. – Режим доступа: <https://w.histrf.ru/articles/zhitvatorokskiy-mir-1606>, свободный. – проверено 30.01.26
- Энциклопедия Всемирная история [Электронный ресурс] // Карловицкий мир. – Режим доступа: <https://w.histrf.ru/articles/karlovickiy-mir>, свободный. – проверено 01.02.26
- Historisches Lexikon Bayerns [Электронный ресурс] // Türkengefahr (Spätmittelalter/Frühe Neuzeit). – Режим доступа: [https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/T%C3%BCrkengefahr_\(Sp%C3%A4tmittelalter/Fr%C3%BChe_Neuzeit\)#T%C3%BCrkenbilder_und_T%C3%BCrkenglocke](https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/T%C3%BCrkengefahr_(Sp%C3%A4tmittelalter/Fr%C3%BChe_Neuzeit)#T%C3%BCrkenbilder_und_T%C3%BCrkenglocke), свободный. – проверено 30.01.26
- Internet Archive [Электронный ресурс] // Die Türkenhilfe und die politisch-kirchlichen Parteien auf dem Reichstag zu Regensburg 1532. – Режим доступа: <https://archive.org/details/dietrkenhilfeu00west/page/n3/mode/2up>, свободный. – проверено 30.01.26
- Internet Archive [Электронный ресурс] // Ein liedt vom Türcken und Antichrist. – Режим доступа: <https://archive.org/details/den-kbd-pil-130018150078-001/page/n8/mode/2up>, свободный. – проверено 30.01.26
- Martin Luther's Geistliche Lieder [Электронный ресурс] // текст лютеранского гимна Мартина Лютера «Erhalt uns, Herr, bei deinem Wort und steur' des Papsts und Türken Mord». – Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/47861/47861-h/47861-h.htm>, свободный. – проверено 30.01.26
- ÖsterreichWiki [Электронный ресурс] // Türkenglocke von Maria Gail. – Режим доступа: https://oesterreichwiki.org/wiki/T%C3%BCrkenglocke_von_Maria_Gail, свободный. – проверено 30.01.26
- WikiSource [Электронный ресурс] // Die Türkensteuer. – Режим доступа: https://de.wikisource.org/w/index.php?title=Seite:Die_T%C3%BCrkensteuer.pdf/2&oldid=-, свободный. – проверено 30.01.26
- Власов В. Г. Стили в искусстве. Словарь (архитектура, графика, декоративно-прикладное искусство, живопись, скульптура). Том 1. «Тюркри» / В. Г. Власов // «Лита». – 1998. – №1. – С. 561.
- Люблинский В.С. Semideus Катона Сакко / В. С. Люблинский // Средневековье в рукописях Публичной библиотеки. Издательство Государственной Публичной библиотеки. – 1927. – № 2. – С. 99.
- Мнякина М. К. П. А. Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века / М. К. Мнякина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №14. – С. 74.
- Новичев А. Д. История Турции. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). I. / А. Д. Новичев // Издательство Ленинградского университета. – 1963. – №1. – С. 36.
- Приходько Д. С. Позиция Франции в «Восточном вопросе» (1798–1812 гг.) / Приходько Д. С. // Архонт. – 2018. – №5. – С.74.
- Хрякова Н. В. Планы итальянских гуманистов по спасению византийской империи от разгрома турками в первой половине XV века (в свете трактата К. Сакко «Семидеус») / Н. В. Хрякова // Электронный научный журнал Курского государственного университета «Учёные записки». – 2008. – №3. – С. 45.
- Чепильченко Е. И. Круг восточных советников Петра I / Е. И. Чепильченко // Вестник Московского университета. – 2018. – №13. – С. 77.
- Alarlan, B. Türk imajının görsel yansımaları. Dünyada Türk imgesi içinde / B. Alarlan. – İstanbul. – 2016. – Kitap Yayınevi. – S. 136.
- Babinger, F. Zwei baierische Türkenbüchlein (1542) und ihr Verfasser / F. Babinger. – München. – 1959. – Verlag der bayerischen Akademie der Wissenschaften. – S. 6.
- Höfert, A. Die «Türkengefahr» in der Frühen Neuzeit / A. Höfert. – Wiesbaden. – 2009. – VS Verlag für Sozialwissenschaften. – S. 61.
- Kaufmann, T. «Türckenbüchlein»: zur christlichen Wahrnehmung in Spätmittelalter und Reformation / T. Kaufmann. – Göttingen. – 2008. – Vandenhoeck & Ruprecht. – S. 20.

- Necipoğlu, G. Visual cosmopolitanism and creative translation: Artistic conversations with Renaissance Italy in Mehmed II's Constantinople / G. Necipoğlu. – Muqarnas. – 2012. – Brill. – P. 13.
- Tuğluca, M. Osmanlı-Kutsal İttifak Savaşlarında Bir Savaş Finansman Kaynağı Olarak Nefir-i Âmm Bedeli / M. Tuğluca. – Eskişehir. – 2023. – Osmanlı Araştırmaları. – S. 83.

References

- DrevLit.Ru. Osmanskaya imperiya v nachale XVIII v. i ee opisaniye P. A. Tolstym [The Ottoman Empire at the beginning of the eighteenth century and its description by P. A. Tolstoy]. Available at: https://drevlit.ru/texts/t/tolstoy_pred.php (accessed 1 February 2026). (In Russian)
- Engels F. Turetskii vopros [The Turkish Question]. Available at: <http://www.uaio.ru/marx/09.htm> (accessed 1 February 2026). (In Russian)
- Traktat, zaklyuchennyi v Konstantinopole mezhdru Rossiei i Turtsiei (1700 iyulya 3) [Treaty concluded in Constantinople between Russia and Turkey, 3 July 1700]. Available at: https://russportal.ru/index.php?id=russia.traite_convention1700_07_03_01 (accessed 30 January 2026). (In Russian)
- Recueil de cent estampes représentant différentes nations du Levant. Internet Archive. Available at: https://archive.org/details/gri_33125015119957/page/n197/mode/2up (accessed 1 February 2026). (In French)
- Kyuchuk-Kainardzhiiskii mirnyi dogovor mezhdru Rossiei i Turtsiei [Treaty of Küçük Kaynarca between Russia and Turkey]. Internet Archive Wayback Machine. Available at: <https://web.archive.org/web/20081202083945/http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/kuchuk.htm> (accessed 1 February 2026). (In Russian)
- Luther M. O voine protiv turok [On War against the Turks; Vom Kriege wider die Türken]. National Electronic Library. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002429972/ (accessed 29 January 2026). (In Russian and German)
- Akhmetova E. Osmany kak Drakon Vostoka... [The Ottomans as the Dragon of the East...]. Proza.ru. Available at: <https://proza.ru/2017/05/27/1167> (accessed 28 January 2026). (In Russian)
- V 1727 godu v Turtsii otkrylas' pervaya tipografiya [The first printing house opened in Turkey in 1727]. Runivers. Available at: <https://runivers.ru/articles/events/v-1727-godu-v-turtsii-otkrylas-pervaya-tipografiya-420680/> (accessed 1 February 2026). (In Russian)
- Pozharevatskie mirnye dogovory 1718 goda [The Treaties of Passarowitz of 1718]. Khronos. Available at: <https://hrono.ru/dokum/1700dok/1718pozharec.php> (accessed 1 February 2026). (In Russian)
- Dumas A. Putevye vpechatleniya. God vo Florentsii [Travel Impressions: A Year in Florence]. LitMir. Available at: <https://litmir.club/br/?b=812063&p=85> (accessed 30 January 2026). (In Russian)
- Zhitvatorokskii mir 1606 [Peace of Zsitvatorok, 1606]. World History Encyclopedia. Available at: <https://w.histrf.ru/articles/zhitvatorokskiy-mir-1606> (accessed 30 January 2026). (In Russian)
- Karlovitskii mir [Treaty of Karlowitz]. World History Encyclopedia. Available at: <https://w.histrf.ru/articles/karlovitskiy-mir> (accessed 1 February 2026). (In Russian)
- Türkengefahr (Spätmittelalter/Frühe Neuzeit). Historisches Lexikon Bayerns. Available at: [https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/T%C3%BCrkengefahr_\(Sp%C3%A4tmittelalter/Fr%C3%BChe_Neuzeit\)](https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/T%C3%BCrkengefahr_(Sp%C3%A4tmittelalter/Fr%C3%BChe_Neuzeit)) (accessed 30 January 2026). (In German)
- Die Türkenhilfe und die politisch-kirchlichen Parteien auf dem Reichstag zu Regensburg 1532. Internet Archive. Available at: <https://archive.org/details/dietrkenhilfeu00west/page/n3/mode/2up> (accessed 30 January 2026). (In German)
- Ein liedt vom Türcken und Antichrist. Internet Archive. Available at: <https://archive.org/details/den-kbd-pil-130018150078-001/page/n8/mode/2up> (accessed 30 January 2026). (In German)
- Luther M. Erhalt uns, Herr, bei deinem Wort und steur' des Papsts und Türken Mord. Martin Luther's Geistliche Lieder. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/47861/47861-h/47861-h.htm> (accessed 30 January 2026). (In German)
- Türkenglocke von Maria Gail. ÖsterreichWiki. Available at: https://oesterreichwiki.org/wiki/T%C3%BCrken_glocke_von_Maria_Gail (accessed 30 January 2026). (In German)
- Die Türkensteuer. Wikisource. Available at: https://de.wikisource.org/w/index.php?title=Seite:Die_T%C3%BCrkensteuer.pdf/2&oldid=- (accessed 30 January 2026). (In German)

- Vlasov V.G. Stili v iskusstve. Slovar' (arkhitektura, grafika, dekorativno-prikladnoe iskusstvo, zhivopis', skul'ptura). T. 1. "Tyurkri" [Styles in Art: Dictionary. Vol. 1. "Turquerie"]. Lita, 1998, no. 1, p. 561. (In Russian)
- Lyublinskii V.S. Semideus Katona Sakko [Cato Sacco's Semideus]. Srednevekov'e v rukopisyakh Publichnoi biblioteki, 1927, no. 2, p. 99. (In Russian)
- Mnyakina M.K. P. A. Tolstoi i ego opisanie Osmanskoi imperii nachala XVIII veka [P. A. Tolstoy and his description of the Ottoman Empire in the early eighteenth century]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, no. 14, p. 74. (In Russian)
- Novichev A.D. Istoriya Turtsii. Epokha feodalizma (XI–XVIII vv.) [History of Turkey: The Feudal Era, Eleventh–Eighteenth Centuries]. Vol. 1. Leningrad, Leningrad University Press, 1963, p. 36. (In Russian)
- Prikhod'ko D.S. Pozitsiya Frantsii v "Vostochnom voprose" (1798–1812 gg.) [France's position on the Eastern Question, 1798–1812]. Arkhont, 2018, no. 5, p. 74. (In Russian)
- Khryakova N.V. Plany ital'yanskikh gumanistov po spaseniyu Vizantiiskoi imperii ot razgroma turkami v pervoi polovine XV veka (v svete traktata K. Sakko "Semideus") [Plans of Italian humanists to save the Byzantine Empire from the Turks in the first half of the fifteenth century, in light of C. Sacco's Semideus]. Uchenye zapiski, 2008, no. 3, p. 45. (In Russian)
- Chepil'chenko E.I. Krug vostochnykh sovetnikov Petra I [The circle of Peter I's Eastern advisers]. Vestnik Moskovskogo universiteta, 2018, no. 13, p. 77. (In Russian)
- Alarslan B. Türk imajının görsel yansımaları. Dünyada Türk imgesi içinde. Istanbul, Kitap Yayınevi, 2016, p. 136. (In Turkish)
- Babinger F. Zwei baierische Türkenbüchlein (1542) und ihr Verfasser. Munich, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1959, p. 6. (In German)
- Höfert A. Die "Türkengefahr" in der Frühen Neuzeit. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009, p. 61. (In German)
- Kaufmann T. "Türkenbüchlein": Zur christlichen Wahrnehmung in Spätmittelalter und Reformation. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2008, p. 20. (In German)
- Necipoğlu G. Visual cosmopolitanism and creative translation: Artistic conversations with Renaissance Italy in Mehmed II's Constantinople. Muqarnas, 2012, p. 13.
- Tuğluca M. Osmanlı-Kutsal İttifak Savaşlarında Bir Savaş Finansman Kaynağı Olarak Nefir-i Âmm Bedeli. Osmanlı Araştırmaları, 2023, p. 83. (In Turkish)

Поступила в редакцию / Received 25.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 02.07.2026

Принята к публикации / Accepted 01.08.2026

Оригинальная статья/ Original article

УДК 821.512.145.09:94(470.57)

Концепт «справедливого правителя» в поэме «Кысса-и Йусуф» Кул Гали и его проекция на политическую публицистику башкирских восстаний XVIII века (на материале «Письма» Батырши)**Басыров И.Р.¹, Мустакимов И.А.²**¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт международных отношений, истории и востоковедения (420111, Казань, ул.Пушкина, д.1/55), магистрант. E-mail: ilyasbasyr@yandex.ru² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт международных отношений, истории и востоковедения (420111, Казань, ул.Пушкина, д.1/55), кандидат исторических наук, доцент. E-mail: imus2007@mail.ru**Аннотация**

В статье реконструируется эволюция концепта справедливого государственного устройства от волжско-булгарской литературной утопии XIII в. до политического манифеста эпохи башкирских восстаний XVIII в. На материале поэмы Кул Гали «Кысса-и Йусуф» и «Письма» Батырши (1755 г.) доказывается генетическая преемственность между средневековым богословско-политическим идеалом города Эмин и риторикой национально-освободительной борьбы. Методологическую основу составил синтез историко-генетического метода, концептуального анализа и элементов дипломатики. Выявлено, что бинарная оппозиция «справедливый верховный правитель – несправедливые местные угнетатели», восходящая к трактовке образа Йусуфа у Кул Гали и его арабских прототипов (ат-Табари), стала структурным каркасом политической публицистики Батырши. Показано, что «Письмо» Батырши, будучи историко-документальной повестью автобиографического характера, обнаруживает типологическое сходство с элементами условного формуляра восточных актов (наррация, диспозиция, санкция), что свидетельствует о влиянии мусульманской эпистолярной культуры. Установлено, что защита вотчинных прав и свободы вероисповедания в XVIII в. осмыслилась через призму сохранения сакрального порядка, закодированного в классической тюркской литературе и транслировавшегося через систему медресе и традицию йырау.

Ключевые слова: Кул Гали, «Кысса-и Йусуф», Батырша, башкирские восстания XVIII века, политическая публицистика, концепт справедливого правителя, город Эмин, дипломатика, история идей.

Для цитирования: Басыров И. Р., Мустакимов И. А. Концепт «справедливого правителя» в поэме «Кысса-и Йусуф» Кул Гали и его проекция на политическую публицистику башкирских восстаний XVIII века (на материале «Письма» Батырши) // *Studia Turkologica*. 2026. Т. 1, кн. 1. С. 30–40.

UDC 821.512.145.09:94(470.57)

The Concept of the “Just Ruler” in Kul Ghali’s Poem “Qyssa-i Yusuf” and Its Projection on the Political Publicism of the Bashkir Uprisings of the 18th Century (Based on Batyrsha’s “Letter”)**Basyrov I.R.¹, Mustakimov I.A.²**¹Kazan Federal University, Institute of International Relations, History and Oriental Studies (420111, Kazan, Pushkin St., 1/55), Master's student. E-mail: ilyasbasyr@yandex.ru

²Kazan Federal University, Institute of International Relations (420111, Kazan, Pushkin St., 1/55), History and Oriental Studies, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. E-mail: imus2007@mail.ru

Abstract

The article reconstructs the evolution of the concept of just statehood from the Volga-Bulgar literary utopia of the 13th century to the political manifesto of the Bashkir uprisings of the 18th century. Based on Kul Ghali's poem "Qyssa-i Yusuf" and Batyrsha's "Letter" (1755), the genetic continuity between the medieval theological-political ideal of the city of Amin and the rhetoric of the national liberation struggle is proved. The methodological basis was a synthesis of the historical-genetic method, conceptual analysis, and elements of diplomatics. It is revealed that the binary opposition "just supreme ruler – unjust local oppressors", going back to the interpretation of the image of Yusuf by Kul Ghali and his Arabic prototypes (al-Tabari), became the structural framework of Batyrsha's political journalism. It is shown that Batyrsha's "Letter", being a historical-documentary story of an autobiographical nature, reveals a typological similarity with elements of the conditional formula of Eastern acts (narration, disposition, sanction), which indicates the influence of Muslim epistolary culture. It is established that the protection of patrimonial rights and freedom of religion in the 18th century was understood through the prism of preserving the sacred order encoded in classical Turkic literature and transmitted through the madrasah system and the yirau tradition.

Keywords: Kul Ghali, "Qyssa-i Yusuf", Batyrsha, Bashkir uprisings of the 18th century, political publicism, concept of the just ruler, city of Amin, diplomatics, history of ideas.

For citation: Basyrov I. R., Mustakimov I. A. The Concept of the "Just Ruler" in Kul Ghali's Poem "Qyssa-i Yusuf" and Its Projection on the Political Publicism of the Bashkir Uprisings of the 18th Century (Based on Batyrsha's "Letter"). *Studia Turkologica*, 2026, vol. 1, no. 1, pp. 30–40. (In Russian)

Введение

Политическое сознание тюрко-мусульманских народов Волго-Уральского региона исторически опиралось на синтезированный религиозно-этический каркас, в котором классические литературные памятники выступали не просто образцами художественного слова, но нормативными моделями государственного устройства и социальной справедливости. В этом контексте поэма Кул Гали «Кысса-и Йусуф» (1233 г.) занимает уникальное место, выходящее далеко за рамки средневековой дидактики. Как справедливо отмечает Р.С. Хакимов в своих исследованиях евразийского исторического пространства, принятие ислама Волжской Булгарией стало цивилизационным выбором, обеспечившим этническую консолидацию и сохранение традиционных ценностей [Хакимов 2012: 229]. Поэма Кул Гали, открывающаяся глубоким символом «древа с двенадцатью ветвями»³⁴, сформулировала устойчивую социально-политическую утопию — образ города Эмин (Города праведников)³⁵. В коллективном сознании тюркских народов Поволжья и Урала этот воображаемый град праведников концептуально срастался с сакральной землей Булгара, выступая эталоном истинной родины, духовного центра и справедливого мироустройства.

³⁴ Ветви олицетворяют двенадцать сыновей Йакуба, один из которых — Йусуф.

³⁵ Город Эмин — это литературная утопия из поэмы Кул Гали, представляющая собой идеальное государство всеобщей справедливости, мира и истинной веры.

На протяжении столетий поэма являлась краеугольным камнем образовательной программы медресе, формируя мировоззренческий и понятийный аппарат мусульманской интеллектуальной элиты. Этические и политические категории, заложенные Кул Гали, стали тем концептуальным языком, на котором последующие поколения осмыслили отношения между властью и обществом. В XVIII веке, в эпоху имперской интеграционной политики и череды башкирских восстаний, эта средневековая литературная матрица была актуализирована в политической публицистике. Ярчайшим памятником этого периода является «Письмо» Батырши (Абдуллы Галиева) императрице Елизавете Петровне (1755 г.). Фундаментальное издание и анализ этого документа, осуществленные академиком Г.Б. Хусаиновым, демонстрируют, что «Письмо» по своему жанру и стилю напоминает историко-документальную повесть автобиографического характера, в которой социальная трагедия народа описывается через призму исламской этики и высокого книжного стиля [Хусаинов 1993: 20].

Историографический контекст и источниковедческая база

Традиционно «Письмо» Батырши изучалось историками как документ социально-политической борьбы [Акманов 1998], а поэма Кул Гали — филологами как памятник суфийской дидактики [Хусаинов 1996: 32]. Попытки синтеза предпринимались лишь фрагментарно. Настоящее исследование опирается на методику комплексного анализа нарративных и документальных источников, апробированную в современных работах по истории политических институтов тюрко-монгольских государств [Абзалов и др. 2022: 773]. Источниковую базу составляют: 1) критическое издание «Письма» Батырши с переводом и комментариями Г.Б. Хусаинова; 2) академические издания поэмы Кул Гали; 3) сравнительно-текстологические исследования арабских прототипов [Ахунов 2001; Тагирджанов 1970]; 4) труды по истории татарской и башкирской литературы и фольклора ногайского пласта [Хусаинов 1996]; 5) лингвистические исследования языка памятника [Тенишев 1986; Баширова и др. 2015].

Несмотря на глубокую изученность обоих памятников по отдельности, концептуальная и генетическая преемственность между средневековой литературной утопией и политической риторикой лидеров башкирских восстаний XVIII века остается неизученной. Цель данной статьи заключается в реконструкции эволюции концепта справедливого государственного устройства от волжско-булгарской литературной утопии XIII века до политического манифеста эпохи башкирских восстаний XVIII века.

Методология и источниковедческие принципы

При реконструкции концептуальной преемственности между средневековым литературным памятником и политическим документом Нового времени использован историко-генетический метод в сочетании с элементами концептуального анализа. Особое внимание уделено структурному анализу «Письма» Батырши: композиция документа (наррация, диспозиция, санкция) рассматривается не только как канцелярский шаблон, но как носитель политической идеологии. Данный подход согласуется с методологией изучения золотоордынских и постзолотоордынских актов, разработанной Л.Ф. Абзаловым, М.С. Гатиным, И.А. Мустакимовым и Р.Ю. Почекаевым [Абзалов и др. 2022: 781]. Лингвистическая гибридность текстов интерпретируется через призму социолингвистики: смешение книжных и народных элементов трактуется как осознанная коммуникативная стратегия автора, направленная на легитимацию политической позиции перед разными аудиториями (верховой властью и народом). Сравнительный анализ образов Йусуфа у Кул Гали и его арабских предшественников (ат-Табари), а также персидской версии Фирдоуси [Тагирджанов 1970] позволил выявить специфику волжско-булгарской политической теологии, ставшей основой для последующей публицистической традиции.

Утопия государства «Эмин» и богословско-политический идеал в «Кысса-и Йусуф»

Вопрос о генезисе и самостоятельности волжско-булгарской версии сюжета был принципиально решен в классической работе Л.Г. Тагирджанова, который аргументированно опроверг гипотезу о хорезмском происхождении поэмы, доказав её создание в Булгаре в 1232 г. [Тагирджанов 1970: 50]. Исследователь показал, что Кул Гали заимствовал у Фирдоуси лишь отдельные эпизоды, но существенно переработал их, добавив легенды, отсутствующие в персидском оригинале, и исключив мистические элементы, свойственные суфийским трактовкам. По словам Л.Г. Тагирджанова, «нельзя утверждать, что Али только пересказал содержание поэмы Фирдоуси. Как видно из поэмы, Али был широко образованным поэтом... по-своему переработал легенды» [Тагирджанов 1970: 48–49]. Важно подчеркнуть, что в отличие от суфийских поэтов, трактовавших любовь Зулейхи к Йусуфу мистически, у Кул Гали «мистические элементы не обнаруживаются», а сюжет тяготеет к реалистическому осмыслению [Тагирджанов 1970: 50]. Именно эта ориентация на реалистическую социально-политическую трактовку обеспечила поэме статус нормативной модели государственного устройства.

В отличие от восточных предшественников, чье влияние на Кул Гали детально исследовано Л.Г. Тагирджановым и А.М. Ахуновым, булгарский поэт совершает революционный для тюркской литературы шаг: он смещает акцент с фаталистического

принятия божественной воли на нравственный и социальный катарсис правителя. Опираясь на арабские источники, в частности на фундаментальные труды ат-Табари, А.М. Ахунов убедительно демонстрирует, что если в арабской традиции Йусуф выступает преимущественно как пассивный проводник линии Аллаха, то у Кул Гали процесс его возвышения «из самых низов до уровня правителя великого государства» становится главным этическим императивом [Ахунов 2001: 44–45]. Исследователь подчеркивает ключевую для политической мысли Поволжья мысль о том, что прошедший через физический и духовный катарсис человек уже никогда не причинит боли своему ближнему, а оказавшись на престоле, будет править честно и справедливо. В его стране, согласно поэме, будут главенствовать мир, порядок и благоденствие.

Именно эта максима, усвоенная в медресе, сформировала у тюрко-мусульманской элиты устойчивое убеждение: легитимность и справедливость власти невозможны без личного духовного опыта страдания, глубокого знания религиозно-правовых норм и страха перед Всевышним. Правитель, не знающий нужды и не боящийся Бога, автоматически превращается в тирана (залима). Характеризуя правление Йусуфа, Кул Гали пишет: «Он был справедлив к людям, / Никому не сделал зла, / Всех одаривал милостью, / Был другом для бедняков» [Кул Гали 1983: 186]. Этот образ содержит фундаментальные принципы справедливого правления: примат знания (хикмат) над силой, равенство перед законом и защиту слабых. Йусуф строит государство Эмин, где «царили мир и изобилие, а народ поклонялся святой вере». Это не просто религиозный, а социально-экономический идеал, ставший нормативной моделью для оценки любой реальной власти.

Лингвистический анализ, проведенный Э.Р. Тенишевым, подтверждает, что язык поэмы представляет собой уникальное явление средневековой тюркской письменности. Исследователь отмечает, что «язык памятника не может быть отнесен ни к одному из современных тюркских языков», так как он сочетает в себе черты как кипчакской, так и огузской групп, при этом сохраняя архаичные болгарские элементы [Тенишев 1986: 270]. Важно подчеркнуть вывод ученого о том, что эта языковая синкретичность не является случайной, а отражает реальную языковую ситуацию Волжской Булгарии XIII века, где происходило взаимодействие различных тюркских племен. Именно этот наддиалектный характер языка обеспечил поэме статус общерегионального культурного кода, понятного как предкам татар, так и предкам башкир.

Кроме того, Кул Гали закладывает важнейший принцип исламской политической этики — отказ от личной мести и передача высшего суда Всевышнему. В поэме Йусуф, обладая абсолютной властью, не казнит своих братьев, заявляя, что судить — не его право, ибо

высший судья лишь Аллах [Ахунов 2001: 52]. Этот концепт божественного арбитра, стоящего над земными правителями, впоследствии станет краеугольным камнем политической риторики башкирских повстанцев, апеллирующих к высшей справедливости в обход коррумпированной местной администрации. Важно отметить, что сама структура произведения, включающая мукаддиму³⁶, восемнадцать фасылов³⁷ и хатиму³⁸, а также вставные хикматы и мунаджаты³⁹, превращала рукопись в энциклопедию этических и политических знаний, функционировавшую как книга-учитель [Хусаинов 1996: 32].

Институциональные каналы трансляции: от медресе и шежере к политической традиции

Поэма «Кысса-и Йусуф» не лежала на полках — она была важнейшим учебным пособием по этике, праву и государственному управлению. Как показано в первом томе фундаментальной коллективной монографии «Татар әдәби теле тарихы», поэма Кул Гали на протяжении столетий оставалась эталоном старописьменного татарского языка (иске татар язма әдәби теле). Авторы монографии подчеркивают, что «Кысса-и Йусуф» входила в круг обязательного чтения в медресе и оказывала нормативное влияние на формирование орфографических и грамматических традиций вплоть до начала XX века [Баширова и др. 2015: 35]. Как справедливо отмечают современные исследователи, в частности Ф.Ш. Гайнетдинова, поэма заучивалась наизусть в медресе, переписывалась и комментировалась [Гайнетдинова 2015: 47]. Лидеры башкирских восстаний, включая Батыршу и Килмяк-абыза⁴⁰, были выпускниками и учителями этих самых медресе (мударрисами). Их политический язык и система аргументации были сформированы именно на текстах Кул Гали и суфийской дидактике. Г.Б. Хусаинов подчеркивает, что многие стихи и прозаические произведения того периода писались «на мелодию "Книги Йусуфа"», что свидетельствует о глубоком проникновении поэтики и этики памятника в ткань общественной мысли [Хусаинов 1996: 33].

Параллельно с письменной традицией существовала мощная устная традиция йырау (импровизаторов)⁴¹, которая также транслировала политические идеалы. Как подробно

---

³⁶ Мукаддима — вступительная часть, предисловие. В ней автор традиционно восхваляет Аллаха, пророка Мухаммада, праведных халифов, а также объясняет причины написания произведения и его духовную цель.

³⁷ Фасылы — основные главы поэмы.

³⁸ Хатима — заключительная часть, послесловие.

³⁹ Мунаджаты — лирические молитвенные обращения к Аллаху, выражающие глубокое личное переживание, раскаяние или мистическую тоску по Богу.

⁴⁰ Килмяк-абыз (Килмяк Нурушев, кон. XVII – 1740)

Один из лидеров башкирских восстаний 1735–1740 гг., мусульманский духовный лидер.

⁴¹ Йырау — это древний тюркский поэт-импровизатор и певец-сказитель.

описывает Г.Б. Хусаинов, творчество таких легендарных певцов, как Асан-Кайгы⁴², Казтуган⁴³ и Шалгыз⁴⁴, было общим достоянием тюркских народов Урало-Поволжья и Ногайской орды [Хусаинов 1996: 59]. Йырау выступали как совесть народа, обличая несправедливость ханов и мурз, защищая права простых людей через жанры кубаиров⁴⁵ и толгау⁴⁶. Эта традиция напрямую связана с политической публицистикой XVIII века: лидеры восстаний использовали те же риторические приемы, что и йырау, — апелляцию к народу, обличение тиранов и призыв к справедливости. Например, прощальный толгау Шалгыза, трансформировавшийся в башкирской среде в гимн родной земле («Где Идель — там и родина...»), задавал эмоциональный и ценностный вектор сопротивления [Хусаинов 1996: 64].

Важнейшим каналом трансляции исторической памяти и прав на землю выступали башкирские шежере. Г.Б. Хусаинов отмечает, что лучшие образцы этого жанра представляют собой неповторимое, национально-самобытное явление письменной литературы, где генеалогические списки переплетаются с описанием исторических событий и преданий [Хусаинов 1996: 50]. Шежере служили не только для фиксации родословных, но и для обоснования вотчинных прав на землю, формируя историческое сознание башкир, в котором политическая легитимность и право на территорию связывались с древностью рода, его заслугами и изначальным общественным договором. М.И. Уметбаев в своем труде «Йадкар» также фиксирует эту глубокую связь между исторической памятью, генеалогией и правом башкир на самоуправление, что создавало прочную идеологическую базу для сопротивления административно-территориальной экспансии и осмыслялось через призму концепта «ак ым кара көннәр» (белых и черных дней истории) [Уметбаев 1984: 191; Хусаинов 1996: 53].

«Письмо» Батырши (1755 г.) как политическая проекция концепта Кул Гали

Батырша (Абдулла Галиев, 1720–1762) был не просто лидером восстания, а высокообразованным мусульманским ученым и ахуном Сибирской дороги. Как отмечает Г.Б. Хусаинов в своем фундаментальном издании «Письма», «основательное знание в области шариата, значительная начитанность в мусульманской литературе, справедливость в отношении с людьми создавали ему известность во всей Башкирии» [Хусаинов 1993: 12]. Составленное в ноябре 1756 г. в застенках Тайной канцелярии, «Письмо» императрице

⁴² Асан-Кайгы (XV в.) — Легендарный йырау-философ, «знаменитый философ своей эпохи» (по оценке Ч. Валиханова). Жил во времена ханов Жанибека и Улу-Мухаммеда.

⁴³ Казтуган (Кахарман-шахир, XV в.) — йырау из кара-кипчакского рода.

⁴⁴ Шалгыз-йырау (XV–XVI вв.) — йырау ногайской эпохи, автор знаменитого прощального толгау о переселении ногайцев.

⁴⁵ Кубаир представляет собой эпическую или патриотическую песнь о родной земле и долге.

⁴⁶ Толгау — философско-дидактическое размышление о нравственности, судьбе и тоске по родине.

Елизавете Петровне стало политическим завещанием образованного лидера. Г.Б. Хусаинов определяет его жанр как «историко-документальную повесть автобиографического характера», написанную рукой мастера, синтезирующего высокий книжный стиль с народной речью [Хусаинов 1993: 20].

Структурно-формулярная характеристика документа

Следуя методологии дипломатического анализа чингизидских актов [Абзалов и др. 2022: 781], в «Письме» Батырши можно выделить компоненты, типологически близкие к условному формуляру восточных документов: инскрипцию (обращение к императрице), нарратив (описание страданий народа и биографии автора), диспозицию (конкретные требования и предложения) и санкцию (предупреждение о Божьем суде). Отсутствие corroborации (ссылки на печать) объясняется жанровой спецификой документа как прошения-повести, а не официального ярлыка. Однако риторическая структура диспозиции воспроизводит логику властных актов: перечисление адресатов, мотивация решения, предписание к исполнению. Это свидетельствует о том, что Батырша, будучи мударрисом, был знаком с мусульманской эпистолярной культурой и сознательно использовал её элементы для придания своему посланию статуса официального политического заявления.

Риторическая стратегия Батырши поразительным образом воспроизводит богословско-политическую матрицу, заложенную Кул Гали и восходящую к ат-Табари. Центральной осью повествования является бинарная оппозиция идеального верховного правителя и коррумпированных местных чиновников. Согласно тексту документа, Батырша конструирует образ падишаха, который, подобно Йусуфу на престоле, должен обладать милосердием и обеспечивать благоденствие. В русском переводе Г.Б. Хусаинова автор исторического источника пишет: «Если бы ее величество наш падишах, будучи в своем падишахском великодушии и в доме своей меры в общей справедливости, ниспослала на своих подданных плоды милосердия, огни злодеяний в среде подданных разве не иссякли бы вполне и не улетучились бы, и разве подданные не пришли бы к равновесию?» [Хусаинов 1993: 108]. Здесь, следуя классической восточной риторике «Зерцал для государей», автор документа предполагает, что верховный правитель по природе своей справедлив, но его окружение искажает его волю и скрывает правду.

Обличая произвол заводских управляющих и комиссаров, Батырша, в системе ценностей своего времени, использует концепт «залима» (тирана, нарушающего божественный закон). Местные угнетатели в его «Письме» — это антипод Йусуфа: они не прошли через духовный катарсис, не знают страданий народа и, с точки зрения мусульманской этики XVIII века, не боятся Всевышнего. Описывая их преступления, автор послания указывает: «Управляющий

заводом со своими товарищами обокрал и разграбил наше имущество, лишил нас земель и вод, которыми мы владели, ... на глазах у нас и совершал блудодеяние. Не стерпев подобных притеснений и узнав, что все равно они обречены на смерть и больше им не выдержать, они убили этого управляющего с его товарищами и скрылись» [Хусаинов 1993: 106]. И здесь Батырша задает риторический вопрос, полностью разрывающий шаблон «бунта против государства»: «Разве падишах дал позволение этому управляющему заводом совершать такие дела? Башкиры разве ушли, не повинаясь подобным повелениям падишаха?» [Хусаинов 1993: 107]. Согласно логике документа, народ восстает не против верховной власти как таковой, а против конкретных несправедливостей, нарушающих божественный и человеческий закон.

Подобно тому, как Йусуф у Кул Гали оставляет высший суд за Аллахом, Батырша, апеллируя к нормам исламского права того времени, предупреждает чиновников о неизбежности Божьего суда и ссылается на шариат как на высший закон. Он обличает политику насильственной христианизации и захвата вотчинных земель, напоминая об условиях добровольного присоединения башкир к России: «Нас, башкир, насильно заставляют принимать русскую веру, строят церкви и крепости на наших землях... Разве по шариату дозволено отнимать у народа его землю и веру? Мы вошли в подданство российского падишаха добровольно, с условием сохранения нашей веры и земель, но теперь эти условия нарушаются» [Хусаинов 1993: 114]. Эта апелляция к историческому договору и религиозно-правовым нормам напрямую связана с концепцией государства Эмин, где народ живет по законам справедливости и веры.

Для усиления аргументации Батырша, подобно Кул Гали, вплетает в ткань высокого книжного текста народную мудрость. Г.Б. Хусаинов выделяет в тексте ряд ключевых афоризмов: «Злой устанет через семь лет, а терпеливый — никогда, и наше терпение дошло до предела», «Слово ранит хуже стрелы: рана от стрелы заживет, а рана от слова не заживет и за годы», «Коней загнали, одежды изодрали, а куда идти — не знаем» [Хусаинов 1993: 109, 112]. Эти пословицы создают эффект предельной искренности и обосновывают право на вооруженный протест как на крайнюю, вынужденную меру самосохранения этноса, когда, в понимании автора документа, земная власть ограничена религиозным законом, а чиновник, нарушающий его, становится вне закона и подлежит сопротивлению.

Заключение

Концепт «Справедливого правителя», закодированный в «Кысса-и Йусуф», стал концептуальным каркасом для татарской и башкирской политической публицистики Нового времени. Анализ, опирающийся на труды Г.Б. Хусаинова, А.М. Ахунова, Л.Г. Тагирджанова,

Э.Р. Тенишева и Р.С. Хакимова, доказывает, что борьба тюрко-мусульман в XVIII веке опиралась на глубокую автохтонную интеллектуальную и богословскую традицию. Батырша, как выпускник системы медресе, естественным образом транслировал утопический идеал города Эмин в конкретные политические требования: сохранение вотчинных прав на землю, свободу вероисповедания и защиту от произвола местной имперской администрации. Если у Кул Гали справедливость достигается через личную мудрость правителя, прошедшего катарсис, то у Батырши она требует от верховной власти «познать страдания» народа и восстановить нарушенный исторический договор.

«Письмо» Батырши выступает не просто как исторический документ, но как памятник политической мысли, демонстрирующий непрерывность эволюции тюрко-мусульманского политического идеала от Волжской Булгарии до эпохи Российской империи. Предложенный в статье методологический синтез литературоведческого и дипломатического анализа открывает возможности для изучения других памятников татаро-башкирской политической публицистики XVIII–XIX вв. (письма Салавата Юлаева, указы Пугачёва на тюрки, челобитные старшин) через призму их генетической связи с тюрко-мусульманской литературной и канцелярской традицией. Особый интерес представляет сравнительный анализ формуляров татарских и башкирских политических документов с золотоордынскими и постзолотоордынскими актами, что позволит уточнить степень рецепции чингизидской делопроизводственной культуры в Урало-Поволжье.

Литература

- Абзалов и др. 2022 — Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почкаев Р. Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государственного управления и права Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение / Golden Horde Review. 2022. Т. 10, № 4. С. 771–796.
- Ахунов 2001 — Ахунов А. М. Арабский источник средневековой тюрко-татарской литературы: на материале трудов ат-Табари. Казань: Изд-во ТГПИ, 2001. 176 с.
- Акманов 1998 — Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–XVIII вв. Уфа: Китап, 1998. 254 с.
- Баширова и др. 2015 — Баширова И. Б., Нуриева Ф. Ш., Кадыйрова Э. Х. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы): I том: Фонетика. Графика. Язма традициялар, норма һәм вариантлылык / Фәнни ред. Ф. М. Хисамова. Казан: ТӘНСИ, 2015. 696 б.
- Гайнетдинова 2015 — Гайнетдинова Ф. Ш. Роль медресе в сохранении и трансляции татарской литературной традиции (на материале поэмы «Кысса-и Юсуф») // Гасырлар авазы. 2015. № 1/2. С. 45–52.
- Кул Гали 1983 — Кул Гали. Кысса-и Йусуф / пер. С. Иванова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 543 с.
- Тагирджанов 1970 — Тагирджанов Л. Г. Влияние поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулейха» на поэмы «Кысса-и Йусуф» Али и «Йусуф и Зулейха» Шайиад Хамзы // Палестинский сборник. Л.: Наука, 1970. Вып. 21 (84). С. 46–51.
- Тенишев 1986 — Тенишев Э. Р. О языке поэмы Кул Гали «Кысса-и Юсуф» // Turcologica. 1986. Вып. 32. С. 268–275.
- Уметбаев 1984 — Уметбаев М. И. Йадкар (Наследие). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1984. 288 с.

- Хакимов 2012 — *Хакимов Р. С.* Евразия: история будущего (отрывки) // Научный Татарстан. 2012. № 2. С. 228–230.
- Хусаинов 1996 — *Хусаинов Г. Б.* Башкирская литература XI–XVIII вв. Уфа: Гилем, 1996. 193 с.
- Хусаинов 1993 — *Хусаинов Г. Б.* Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне / составление, транскрипция текста, глоссарий, введение, комментарии Г. Б. Хусаинова. Уфа: Гилем, 1993. 250 с.

References

- Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. “Dastur al-katib” as a source on the history of public administration and law of the Ulus of Jochi. *Golden Horde Review*, 2022, vol. 10, no. 4, pp. 771–796. (In Russ.)
- Akhunov A. M. Arab Source of Medieval Turkic-Tatar Literature: Based on al-Tabari’s Works. Kazan: TGGI Publ., 2001. 176 p. (In Russ.)
- Akmanov I. G. Bashkir Uprisings of the 17th–18th Centuries. Ufa: Kitap Publ., 1998. 254 p. (In Russ.)
- Bashirova I. B., Nurieva F. Sh., Kadyrova E. Kh. History of the Tatar Literary Language (13th Century – Early 20th Century): Vol. 1: Phonetics. Graphics. Written Traditions, Norm and Variability. Ed. by F. M. Khisamova. Kazan: Institute of Language, Literature and Art Publ., 2015. 696 p. (In Tatar.)
- Gainetdinova F. Sh. The role of madrasahs in preserving and transmitting the Tatar literary tradition (based on the poem “Qyssa-i Yusuf”). *Gasyrlar avazy*, 2015, no. 1/2, pp. 45–52. (In Russ.)
- Kul Ghali. Qyssa-i Yusuf. Translated by S. Ivanov. Kazan: Tatar Book Publ., 1983. 543 p. (In Russ.)
- Tagirdzhanov L. G. The influence of Ferdowsi’s poem “Yusuf and Zulaikha” on Ali’s “Qyssa-i Yusuf” and Shayiad Hamza’s “Yusuf and Zulaikha”. *Palestinskii sbornik [Palestinian Collection]*. Leningrad: Nauka, 1970, iss. 21 (84), pp. 46–51. (In Russ.)
- Tenishev E. R. On the language of Kul Ghali’s poem “Qyssa-i Yusuf”. *Turcologica*, 1986, iss. 32, pp. 268–275. (In Russ.)
- Umetbaev M. I. Yadkar (Heritage). Ufa: Bashkir Book Publ., 1984. 288 p. (In Russ.)
- Khakimov R. S. Eurasia: the history of the future (excerpts). *Nauchnyi Tatarstan [Scientific Tatarstan]*, 2012, no. 2, pp. 228–230. (In Russ.)
- Khusainov G. B. Bashkir Literature of the 11th–18th Centuries. Ufa: Gilem Publ., 1996. 193 p. (In Russ.)
- Khusainov G. B. Letter of Batyrsha to Empress Elizabeth Petrovna. Compilation, transcription, glossary, introduction, comments by G. B. Khusainov. Ufa: Gilem Publ., 1993. 250 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 06.07.2026

Поступила после рецензирования / Revised 14.07.2026

Принята к публикации / Accepted 01.08.2026

Обзорная статья / Review article

Джадидизм в Кыргызстане и его освещение в историографии

Гюллю С.¹, Шакуров Ф.Н.¹¹Казанский федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация),
Институт международных отношений

Гюллю С. — магистрант 1 курса. E-mail: gullusalih552@gmail.com

Шакуров Ф.Н. — кандидат исторических наук, доцент (научный руководитель). E-mail:
FNShakurov@kpfu.ru

Аннотация

Начиная с последней четверти XIX века джадидизм в мусульманских обществах, находившихся в составе Российской империи, первоначально проявился как новаторство в сфере образования, однако со временем движение вышло за рамки исключительно педагогических задач и приобрело характер широкой общественной трансформации. Цель статьи — на примере Кыргызстана показать, что данное явление не представляло собой односторонней модели реформ, передаваемой из центра на периферию: идеи, зародившиеся в татаро-башкирских и идель-уральских кругах, адаптировались под конкретные условия местного общества. Материалом исследования послужила существующая историография вопроса; методы — тематический и сравнительный анализ литературы, в аналитическую рамку которого включены образовательные учреждения, биографические данные, издательские сети, дискуссии по историографии и идеологические классификации советского периода. В контексте Кыргызстана джадидизм рассматривается через призму образовательных учреждений, издательской деятельности, местных интеллектуальных кругов и процессов общественных трансформаций; движение анализируется не как ограниченная школьная реформа, связанная исключительно с методом «усул-и джадид», а как многослойный исторический процесс, тесно связанный с развитием современного образования, письменной культуры, национального самосознания и формированием интеллигенции в кыргызском обществе. В результате показано, что ограничение джадидского наследия идеологическими рамками в советской историографии сменилось его переосмыслением в постсоветский период как одного из конституирующих элементов национальной историографии Кыргызстана.

Ключевые слова: джадидизм, Кыргызстан, усул-и джадид, татарское просвещение, национальная идентичность, советская историография.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гюллю С., Шакуров Ф. Н. Джадидизм в Кыргызстане и его освещение в историографии // *Studia Turkologica*. 2026. Т. 1, кн. 1. С. 41–55.

Jadidism in Kyrgyzstan and Its Coverage in Historiography

Güllü Salih¹, Shakurov Farit N.¹¹Kazan Federal University (18, Kremlyovskaya street, Kazan 420008, Russian Federation), Institute of
International Relations

Güllü Salih — 1st year Master's student. E-mail: gullusalih552@gmail.com

Shakurov Farit N. — Cand. Sci. (History), Associate Professor (Research Advisor). E-mail: FNShakurov@kpfu.ru

Abstract

From the last quarter of the nineteenth century onward, Jadidism initially emerged among the Muslim societies of the Russian Empire as an innovation in the sphere of education, associated above all with the phonetic teaching method known as usul-i jadid. Over time, however, the movement was not confined to pedagogy and grew into a broader process of social transformation touching curricula, publishing, the

question of women's education, and the strengthening of national linguistic and historical consciousness. The purpose of this article is to examine, through the case of Kyrgyzstan, whether Jadidism should be understood as a one-way model of reform transmitted from the imperial centre to the periphery, or as a set of ideas that originated in Tatar-Bashkir and Volga-Ural circles and were subsequently reshaped to fit local conditions. The material of the study consists of the existing Kyrgyz, Russian and English-language historiography on the subject; the method is a thematic and comparative analysis of this literature, within an analytical framework that brings together educational institutions, biographical data on individual reformers, publishing and press networks, historiographical debates, and the ideological classifications applied to Jadidism during the Soviet period. In the Kyrgyz context, Jadidism is examined through educational institutions such as the new-method schools of Pishpek, Tokmok and Karakol and the madrasa network linked to Ufa's Galiya madrasa, through publishing and press activity centred on Kazan, Orenburg and the Crimea, through local intellectual circles associated with figures such as Ishenaaly Arabaev, Osmonaaly Sydykov and Shabdan Baatyr, and through the wider process of social transformation that followed the 1905 revolution and culminated in the 1916 uprising and Sovietization. The movement is treated not as a school reform limited to the *usul-i jadid* method, but as a multi-layered historical process connected with the development of modern education, written culture, national consciousness, and the formation of an intelligentsia in Kyrgyz society. Particular attention is paid to the way the Jadid heritage was confined within ideological categories such as "bourgeois nationalism" in Soviet historiography, and to its subsequent reassessment, on the basis of archival and field research, as one of the constitutive elements of Kyrgyzstan's national historiography in the post-Soviet period.

Keywords: Jadidism, Kyrgyzstan, Usul-i Jadid, Tatar enlightenment, national identity, Soviet historiography.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Güllü S., Shakurov F. N. Jadidism in Kyrgyzstan and Its Coverage in Historiography. *Studia Turkologica*, 2026, vol. 1, no. 1, pp. 41–55. (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с последней четверти XIX века мусульманские общины, находившиеся в составе Российской империи, столкнулись с ускорившимися процессами трансформации в военной, административной, экономической и культурной сферах. Возникший в этот период в Крыму, Идель-Уральском регионе и Средней Азии джадидизм, отправляясь от вопроса об обновлении традиционных образовательных учреждений, превратился в более широкую дискуссию о социальной модернизации и идентичности [Кубатова 2018: 37, 39; Юзеев 2018: 126].

Джадидизм на начальном этапе ассоциировался со звуковым методом обучения грамоте, получившим название «усул-и джадид». Однако историческое влияние движения не ограничилось лишь педагогической техникой. Включение современных предметов в учебные программы, распространение издательской деятельности, постановка вопроса о женском образовании, укрепление национального языкового и исторического сознания превратили джадидизм в значимую область интеллектуальной трансформации.

Данная статья рассматривает джадидизм на примере Кыргызстана. Контекст Кыргызстана важен тем, что он показывает, как движение формировалось не в качестве

прямого и исключительно локального интеллектуального продукта, а во взаимодействии между идель-уральскими просветителями, идель-уральскими медресе, крымской линией, связанной с Гаспринским, казанской и оренбургской прессой, местными кыргызскими лидерами и общественными условиями. Статья пытается ответить на следующие вопросы, вставшие перед кыргызскими авторами: какими источниками они пользовались; к каким выводам пришли; по каким вопросам существует консенсус, а по каким — имеют место разногласия?

Что касается методологии, статья основана на тематическом и сравнительном анализе существующей литературы. В использованных источниках контексты Кыргызстана, Идель-Уральского региона и Средней Азии рассматриваются в совокупности; в аналитическую рамку включены образовательные учреждения, биографические данные, издательские сети, дискуссии по историографии и идеологические классификации советского периода.

I. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЖАДИДИЗМА

Понятие, этимология и исторические рамки

Термин «джадидизм» происходит от арабского слова «джадид», означающего «новый». Определяющим элементом в наименовании движения стал «усул-и джадид», то есть новый метод обучения, разработанный в противовес традиционной зубрежке [Кубатова 2018: 167; Юзеев 2018: 126; Kubatova 2020: 4]. Данный метод был направлен на обучение грамоте в более короткие сроки на основе звуковых значений букв и высветил педагогические ограничения классической системы медресе и мектебов.

Отношение между джадидизмом и таджидом важно для понимания концептуальных границ движения. Согласно различению А. Юзеева, линия таджида, связанная с такими именами, как Абд ан-Насыр Курсави и Габденнасыр Утыз-Имяни, примерно с конца XVIII века в большей степени связана с идеей религиозного обновления. Джадидизм же, получивший институциональную видимость с Исмаилом Гаспринским в последней четверти XIX века, представляет собой иной этап, характеризующийся реформой образования, включением светских наук в учебные программы и распространением идей через современную прессу [Юзеев 2018: 126].

Однако определять джадидизм исключительно как «новый метод обучения» недостаточно. Движение, с одной стороны, связано с поиском обновления в рамках исламской традиции; с другой стороны, оно способствовало формированию новой интеллектуальной среды, соприкасавшейся с такими понятиями, как современное государство, пресса, школа, нация, язык и публичная сфера.

Усул-и джадид и изменение метода в образовании

Наиболее отличительной чертой усул-и джадид является использование звукового метода обучения грамоте. Критике подвергалось то, что при традиционном методе учащиеся обращались к длительной практике заучивания текста без его понимания; джадиды же выступали за овладение грамотностью в более короткие сроки и на основе понимания [Юзеев 2018: 126–127; Кубатова 2018: 17].

Вторым важным аспектом образовательной реформы является учебная программа. Преподавание в джадидских школах наряду с религиозными предметами таких дисциплин, как арифметика, география, история, естествознание и русский язык, можно рассматривать как показатель стремления отвечать практическим потребностям современного мира [Kubatova 2020: 12]. Как можно понять, джадидизм не отвергал полностью религиозное образование, а, добавляя современные предметы к религиозным, пытался не допустить, чтобы учащиеся наряду с религиозными знаниями были лишены и знаний современных.

Использование таких современных образовательных инструментов, как классная доска, мел, карта, парты и классная организация, также составляло символическое измерение перемен [Кубатова 2018: 163]. Эти инструменты являются не просто техническими новшествами, но конкретными показателями трансформации в отношениях между учителем и учеником, порядке урока и способах передачи знаний.

Исмаил Гаспринский и общее тюрко-мусульманское публичное пространство

Газета Гаспринского «Терджиман» стала важным средством распространения джадидских идей в Крыму, Идель-Уральском регионе, Средней Азии и Кыргызстане [Кубатова 2018: 105; Kubatova 2020: 6]. То, что газету читали даже в отдаленных районах Кыргызстана, показывает, что пресса была не просто средством передачи новостей, но интеллектуальным каналом, который запустил в оборот идеи модернизации [Кубатова 2018: 108, 183; Kubatova 2020: 6].

Вместе с тем местные интеллектуалы, воспринимавшие и усваивавшие идеи модернизации через посредство Гаспринского, локализовали свою деятельность в соответствии с собственной культурой и языком.

Джадидизм как религиозный и социальный ответ на современность

Джадидизм также включает в себя поиск новой интерпретации в отношении связи ислама с современным миром. В этом контексте движение можно рассматривать как один из ответов мусульманских обществ на современность и как одно из проявлений идеи исламского обновления в новое время [Mukhetdinov 2022: 44, 54].

В джадидской мысли религия не замыкается исключительно в области богослужения и ритуала; она мыслится в совокупности с такими вопросами, как образование, торговля, социальная ответственность, политическое представительство и образование женщин. Такой подход подкреплялся интерпретацией, согласно которой ислам не противоречит разуму и науке, а, напротив, поощряет поиск знаний [Mukhetdinov 2022: 68, 92; Юзеев 2018: 132].

II. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЖАДИДИЗМА В КЫРГЫЗСТАНЕ

Начальные условия

В кыргызском регионе джадидизм стал заметен в период, когда территория была включена в административную и экономическую систему Российской империи. Татарские и башкирские просветители, купцы, чиновники и религиозные деятели были в числе первых носителей современной образовательной деятельности в Кыргызстане [Kubatova 2020: 4, 6].

Это влияние невозможно объяснить лишь учителями, приезжавшими в регион. Сети медресе Идель-Уральского региона, казанские и оренбургские типографии, периодические издания и идея модернизации в русле Гаспринского образовывали каналы, через которые кыргызские интеллектуалы соприкасались с миром [Кубатова 2018: 39].

Вместе с тем джадидизм в Кыргызстане не является простой копией крымско-поволжской модели. Материальная поддержка местных манапов, обучение кыргызских учащихся в медресе Идель-Уральского региона, инициативы по созданию алфавита и написанию истории показывают, что движение переформировывалось в соответствии с местными потребностями.

Первые джадидские школы и сети местного покровительства

Открытие первых школ нового метода в таких центрах, как Пишпек, Токмок и Каракол, в начале XX века является важным этапом институционализации современного образования в Кыргызстане. В этих школах, открытых в 1901–1902 годах, применялся фонетический метод, и наряду с традиционными предметами преподавалась арифметика, география, история и естественные науки [Kubatova 2020: 12; Кубатова 2018: 175].

Одной из отличительных особенностей кыргызского примера является поддержка джадидских школ местными лидерами. Основание Шабданом Джантаевым в 1909 году медресе «Шабрания» в Чон-Кемине и строительство Канатом Ибыке уулу современной школы в Кочкоре показывают, что местные элиты рассматривали образовательную реформу во взаимосвязи с вопросами общественного престижа и политического представительства [Кубатова 2018: 181–183]. Эти учреждения были не просто центрами обучения грамоте, но социальными пространствами, где формировался новый тип интеллигенции. Здесь ученики

знакомились с современными предметами, следили за миром печати и устанавливали связь с более широкими интеллектуальными кругами.

Формирование интеллигенции

Джадидские школы и особенно медресе «Галия» в Уфе сыграли центральную роль в формировании кыргызской национальной интеллигенции. Публикация Ишенаалы Арабаевым в 1911 году труда, имевшего характер первого кыргызского алфавита, стала важным этапом письменной стандартизации языка [Kubatova 2020: 8, 19].

Труды Осмонаалы Сыдыкова, изданные в 1913 и 1914 годах, примечательны своей попыткой зафиксировать историю и родословную кыргызских племен. Подобные тексты следует рассматривать не просто как производство исторического знания, но как попытки построения современной национальной памяти.

Публикация статей кыргызскими интеллектуалами в таких периодических изданиях, как «Айкап», позволила обсуждать местные проблемы в региональном тюрко-мусульманском публичном пространстве [Kubatova 2020: 7, 11]. Таким образом, между реформой образования, языком, прессой и историческим сознанием установилась прямая связь.

Политизация после 1905 года

Относительно свободная среда, возникшая после революции 1905 года в Российской империи, привела к тому, что джадидские круги стали более заметны не только в области образования, но и в сфере политических и социальных прав. В петиции под руководством Шабдана Баатыра были подняты вопросы религиозно-административных прав мусульман, свободы образования, земельного вопроса и издательских возможностей [Kubatova 2020: 15].

Участие кыргызских представителей в таких собраниях, как I съезд мусульман Семиречья 1906 года и Узунагачский съезд 1910 года, показывает, что движение расширялось от образовательной реформы к поиску социально-политического представительства [Kubatova 2020: 16; Кубатова 2018: 132, 149].

Эту политизацию не следует понимать непосредственно как партийную программу в современном смысле или как целостную националистическую идеологию. Ее следует оценивать скорее как выдвижение образованными местными элитами на повестку дня вопросов о правах, представительстве, земле и языке перед лицом имперской администрации.

Восстание 1916 года

Восстание кыргызов 1916 года является важной точкой разлома для джадидского движения. То, что некоторые лица, получившие джадидское образование или связанные со

школами нового метода, сыграли активную роль в этом процессе, показывает положение местных элит, получивших современное образование, в рамках политической мобилизации [Kubatova 2020: 19–20; Кубатова 2018: 190].

Вместе с тем объяснять восстание 1916 года непосредственно результатом джадидского движения было бы методологически проблематично. На фоне восстания совместно действовали российская переселенческая политика, потери земель, воинские повинности, давление имперской администрации и местные социальные напряжения.

Поэтому связь между джадидизмом и событиями 1916 года следует рассматривать не с точки зрения прямой причинности, а скорее через участие политизированных местных элит в кризисе и косвенное влияние сетей современного образования на социальную мобильность.

Советизация и процесс ликвидации

После 1917 года некоторые джадидские кадры действовали в таких областях, как кыргызская образовательная система, языковые исследования, культурные учреждения и собирание эпоса «Манас» [Kubatova 2020: 19, 21]. Это показывает, что движение не исчезло полностью в ранний советский период, а в некоторых аспектах вошло в новые процессы институционализации.

Однако с конца 1920-х годов советский режим занял более жесткую идеологическую позицию по отношению к национальным интеллектуальным кругам. Ликвидация таких фигур, как Касым Тыныстанов и Ишенаалы Арабаев, в период репрессий 1930-х годов привела к тому, что джадидское наследие в советской историографии долгое время оценивалось в негативных категориях [Kubatova 2020: 20; Кубатова 2018: 183].

III. ВЛИЯНИЕ ИДЕЛЬ-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА И ТАТАРСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА КЫРГЫЗСКИЙ ДЖАДИДИЗМ

Медресе «Галия» и образовательные сети

Медресе «Галия» в Уфе было важным центром формирования кыргызской интеллигенции. Связь таких деятелей, как Ишенаалы Арабаев, Осмоонаалы Сыдыков, Искак Канатов и Кемель Шабданов, с этой средой показывает, что кыргызский джадидизм питался из идель-уральских образовательных сетей [Кубатова 2018: 235, 548].

Значение медресе «Галия» не ограничивается лишь учебной программой. Обучавшаяся здесь кыргызская и казахская молодежь издавала журналы, устраивала культурные вечера, обсуждала национальные вопросы и по возвращении в свои общества формировала тип интеллигенции, устанавливавшей связь между современным образованием и национальной идентичностью [Кубатова 2018: 333].

Таким образом, очевидно, что кыргызский джадидизм не может рассматриваться исключительно как локальное движение, ибо идель-уральская среда сыграла значительную роль в зарождении, росте и развитии джадидизма в Кыргызстане.

Деятельность просветителей Поволжья и Приуралья

Руководство медресе «Икбалия» в Токмоке татарскими учителями Закиром Вагаповым и Нурали Маминым, открытие школы нового метода при татарской мечети в Караколе и деятельность таких просветителей, как казанский Шакир Мучабиров, демонстрируют влияние татарских педагогов на формирование современных образовательных учреждений в Кыргызстане [Кубатова 2018: 155, 247, 274].

Эти педагоги принесли в кыргызские школы фонетический метод обучения грамоте и современные предметы [Кубатова 2018: 233]. Деятельность просветителей Идель-Урала поддерживалась местными богачами (манапами) и семьями, что свидетельствует о совместных усилиях по внедрению грамотности в регионе.

Пресса, книгопечатание и общий интеллектуальный обмен

Казань, Оренбург, Уфа и Крым были главными центрами прессы и книгопечатания, откуда распространялись джадидские идеи. Такие издания, как «Терджиман», «Айкап», «Шура», «Вакит» и «Юлдуз», позволяли кыргызским интеллектуалам следить за региональными и международными событиями [Бикбулатова и др. 2022: 179, 181; Кубатова 2018].

Печатание первых произведений на кыргызском языке в казанских и уфимских типографиях выявляет влияние книгопечатания на национальное языковое и историческое сознание. Публикация в 1911 году в Казани произведения Молдо Кылыча «Кисса-и Зилзала» и издательская деятельность Ишенаалы Арабаева показывают роль идель-уральских типографских кругов в формировании кыргызской письменной культуры [Кубатова 2018: 561, 772].

Теологическое и философское наследие

Влияние таких татарских мыслителей, как Шихабутдин Марджани и Каюм Насыри, показывает, что кыргызский джадидизм имел не только педагогическое, но также теологическое и философское измерение. Идеи этих мыслителей о рациональном образовании, историческом сознании и совместимости ислама с современным знанием оказали воздействие на кыргызских интеллектуалов [Юзеев 2018: 129; Кубатова 2018: 206, 216].

Влияние татарского просвещения в Кыргызстане следует оценивать в рамках поиска «приведения ислама в соответствие с современным миром» [Mukhetdinov 2022: 44, 92; Бикбулатова и др. 2022: 5]. Вместе с тем социальная структура Кыргызстана, кочевые традиции, сети местного лидерства и административные условия отличали способы применения этих идей от других регионов.

IV. ВИДНЫЕ ДЕЯТЕЛИ И ИЗВЕСТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ДЖАДИДИЗМЕ

Местные деятели

Ишенаалы Арабаев. Один из ведущих деятелей кыргызского современного образования и языковых исследований. Его обучение в медресе «Галия» и публикация в 1911 году труда, носившего характер первого кыргызского алфавита, ставят его в центр формирования кыргызской письменной культуры [Кубатова 2018: 203; Kubatova 2020: 8]. Его вклад в процесс сбора эпоса «Манас» в 1920-е годы также важен для институционализации национальной культуры [Kubatova 2020: 21; Бикбулатова и др. 2022: 11].

Осмоонаалы Сыдыков. Считается одним из первых кыргызских историков. Его труды, изданные в 1913 и 1914 годах, важны как попытка зафиксировать в письменном виде историю и родословную кыргызских племен. Его работы демонстрируют связь между историописанием и построением национальной памяти.

Шабдан Джантаев. Этот местный лидер, известный также как Шабдан Баатыр, примечателен своей материальной поддержкой джадидских школ и вынесением на повестку дня вопросов образования, религиозных прав и представительства в петиции 1905 года [Кубатова 2018: 125, 175–178; Kubatova 2020: 12].

Канат Ибыке уулу. Выступил инициатором создания современной школы в Кочкорской долине и отправлял своих детей на учебу в Уфу [Кубатова 2018: 175–178; Kubatova 2020: 12]. Связь его сына Искака Канатова со средой медресе «Галия» показывает связь между местными элитами и идель-уральскими образовательными сетями.

Касым Тыныстанов. Как лингвист, поэт и государственный деятель сыграл важную роль в институционализации кыргызского языка [Кубатова 2018: 12–13, 215]. Его биография важна для демонстрации перехода от линии джадидского образования к культурной политике раннего советского периода.

Каюм Мифтаков. Как фольклорист и педагог татарского происхождения способствовал открытию школ нового метода в Кыргызстане и участвовал в работе по сбору эпоса «Манас»

[Бикбулатова и др. 2022: 3, 11, 13]. Его деятельность является одним из конкретных примеров татарско-кыргызских культурных контактов.

Образовательные учреждения

Медресе «Шабдания» было основано Шабданом Баатыром в 1909 году в Чон-Кеминской долине и стало важным образовательным учреждением, где преподавались современные предметы [Кубатова 2018: 181–183; Kubatova 2020: 12]. Это учреждение может рассматриваться как пример соединения сетей местного покровительства с идеей современного образования.

Медресе «Икбаля» в Токмоке управлялось татарскими педагогами и стало центром, где обучались учащиеся из разных этнических и религиозных общностей [Кубатова 2018: 18, 181]. Школы, открытые татарской общиной в Караколе, и женские школы, открытые в Пишпеке, демонстрируют географическое и социальное распространение джадидской образовательной модели [Кубатова 2018: 169, 175, 216].

Значение этих учреждений заключается не только в новаторстве учебной программы, но и в порождении новой социальной среды. Ученики знакомились с современными предметами, соприкасались с культурой прессы и книгопечатания, а впоследствии играли роль в таких областях, как язык, история, фольклор и образование в Кыргызстане.

V. ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Одной из важных дискуссионных областей джадидского движения является женское образование. Взгляды Исмаила Гаспринского на образование женщин связаны с вопросами современной семьи, материнства, социального участия и прогресса мусульманских обществ [Юзеев 2018: 132]. Тот факт, что такие издания, как «Alem-i Nisvan», находили читателей, показывает, что дискуссии о женском образовании доходили и до Кыргызстана [Кубатова 2018: 105].

В контексте Кыргызстана открытие джадидских школ для девочек и деятельность женщин-учителей демонстрируют, что движение не сводилось исключительно к образованию мужчин-интеллектуалов [Кубатова 2018: 169, 175]. Такие женские фигуры (представительницы татарского народа), как Нагима Айтматова и Деляфруз Сабировна Рахимова, показывают, что женщины, получившие современное образование, могли играть активную роль в процессах социальной трансформации раннего советского периода [Кубатова 2018: 274, 622].

VI. ПОДАВЛЕНИЕ ДЖАДИДИЗМА И ИСТОРИОГРАФИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В советский период джадидизм чаще всего оценивался сквозь призму классовых и идеологических категорий. Аспекты движения, связанные с реформой образования, культурной модернизацией, издательской деятельностью и построением национальной идентичности, были ограничены такими понятиями, как «буржуазный национализм», «пантюркизм» или «панисламизм» [Исхаков 2014: 820; Бикбулатова и др. 2022: 4–5].

Такой подход сузил многомерный характер джадидизма. Ликвидация многих джадидских интеллектуалов в ходе репрессий 1930-х годов прервала как институциональную преемственность движения, так и его репрезентацию в историографии [Kubatova 2020: 20; Бикбулатова и др. 2022: 5].

VII. ПЕРЕОЦЕНКА ДЖАДИДСКОГО НАСЛЕДИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И МНЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В постсоветский период джадидское наследие было переосмыслено в контексте национальной историографии Кыргызстана. Биографии, архивные документы и культурная деятельность интеллектуалов, которые в советское время по идеологическим причинам оценивались в негативных категориях, начали изучаться в новых рамках [Кубатова 2018: 6; Kubatova 2020: 4; Бикбулатова и др. 2022: 5].

В постсоветский период переосмысление джадидизма не следует рассматривать лишь как академический интерес. Этот процесс связан со стремлением заново обрести исторические основы национальной идентичности, связать традицию современного образования с местными акторами и открыть в историографии место для деятелей, маргинализированных в советское время.

Совместные полевые исследования Кыргызстана и Татарстана, проведенные в 2021 году, позволили более конкретно изучить джадидское наследие на основе эпиграфических материалов, надгробных надписей и архивных документов [Бикбулатова и др. 2022: 6–7]. Такие исследования показывают, что джадидизм является не только предметом истории идей, но также вопросом культурного наследия и исторической памяти.

Формулируя свои исследования с целью заполнения существующих исторических лакун, ученые задали следующие критические вопросы: какова реальная роль джадидов, объявленных в прошлом под влиянием коммунистической идеологии «врагами народа», и как можно устранить эти «белые пятна» в историографии [Бикбулатова и др. 2022: 4–5]? Является ли джадидизм лишь движением за образовательную реформу (усул-и джадид), или же его следует оценивать как комплексное религиозно-социальное обновленческое

движение, отражающее попытки мусульманских обществ адаптироваться к современному миру [Mukhetdinov 2022: 45–46; Юзеев 2018: 126]? Каков реальный вклад татарской интеллигенции в формирование кыргызской государственности и национальной идентичности [Бикбулатова и др. 2022: 5, 9]? Как можно объяснить влияние джадидских идей на восстание 1916 года и последующий процесс советизации [Кубатова 2018: 11, 190]?

Стремясь избежать односторонних интерпретаций, исследователи использовали многоязычную и междисциплинарную источниковую базу. В рамках официальных архивных документов были изучены материалы, хранящиеся в государственных архивах Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана и Российской Федерации; особое внимание уделено жандармским отчетам и агентурным записям царского периода [Kubatova 2020: 24–25; Кубатова 2018: 13; Бикбулатова и др. 2022: 7]. Кроме того, в качестве исследовательского материала использовались рукописи Каюма Мифтакова, ранее не введенные в научный оборот, родословные Осмооналы Сыдыкова и личные документы Ишенаалы Арабаева [Бикбулатова и др. 2022: 3, 11; Kubatova 2020: 12–13]. Среди периодических изданий того времени использовались оригинальные экземпляры газет и журналов «Терджиман», «Айкап», «Шура», «Вакит» и «Седа-и Тюркистан» [Кубатова 2018: 30–31, 101].

В результате исследований было выявлено, что джадидизм сыграл определяющую роль в формировании кыргызского национального образования, разработке современного алфавита и становлении современной интеллигенции [Кубатова 2018: 203, 251]. Установлено, что, хотя движение изначально возникло как образовательная реформа, после 1905 года оно трансформировалось в политическое движение с национальными устремлениями [Kubatova 2020: 15]. Кроме того, был сделан вывод, что джадиды взяли на себя важные руководящие роли во время восстания 1916 года и подготовили интеллектуальные основы процесса кыргызской государственности в 1924 году [Kubatova 2020: 19–21].

Между исследователями существует широкий консенсус по ряду основных вопросов. Во-первых, принцип «Единство в языке, мыслях и делах», выдвинутый под руководством Исмаила Гаспринского, был эффективен на всей территории Туркестана [Кубатова 2018: 49]. Во-вторых, признается, что образовательный метод усул-и джадид был революционным новшеством по сравнению с традиционным пониманием обучения, основанного на зубрежке [Юзеев 2018: 126; Kubatova 2020: 4]. Наконец, существует единодушие в том, что, хотя сталинские репрессии 1930-х годов физически уничтожили поколение джадидской интеллигенции, они не смогли полностью уничтожить интеллектуальное наследие движения [Kubatova 2020: 20; Бикбулатова и др. 2022: 5].

Вместе с тем дискуссии об определении и социальной природе джадидизма продолжаются. Некоторые исследователи определяют джадидизм преимущественно как движение за образовательную реформу [Юзеев 2018: 126], тогда как другие оценивают его как современную форму религиозности или движение таджида (обновления), возникшее в исламском мире [Mukhetdinov 2022: 44, 127]. Аналогичным образом, если советские историки характеризовали джадидизм как «буржуазный национализм» [Исхаков 2014: 820], то современные исследователи интерпретируют движение скорее в контексте национального пробуждения и патриотизма [Кубатова 2018: 15–16].

VIII. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Джадидизм в Кыргызстане развивался не как непосредственно локальное движение, а в результате соединения более широкого интеллектуального обмена с местными условиями. Джадиды и новометодные медресе Идель-Уральского региона образовали передаточные каналы этого процесса. Однако местные кыргызские акторы не просто подражали этой модели, а трансформировали ее в соответствии с собственными потребностями в языке, истории, образовании и социальном представительстве.

По сравнению с центрами джадидизма в Крыму, Казани, Оренбурге и Туркестане можно сказать, что движение в Кыргызстане развивалось позднее и преимущественно через посреднические сети. Кочевое наследие кыргызского общества, более ограниченное развитие институтов письменной культуры и значимость сетей местного лидерства входят в число факторов, определивших характер движения.

Превращение образовательной реформы в построение национальной идентичности происходило прежде всего через разработку алфавита, историописание, контакты с периодической печатью и формирование современной интеллигенции. Школа в этом процессе функционировала не просто как учреждение, передающее знания, но как пространство, производящее новую социальную идентичность и представление о будущем.

Хотя подчеркивание влияния татарских интеллектуалов крайне необходимо, рассматривать джадидизм в Кыргызстане исключительно как результат их влияния было бы некорректным. Более точным подходом является оценка роли волжско-уральского джадидизма как передатчика идей, учителей и изданий, а кыргызских акторов — как субъектов, локализовавших и институционализировавших эти идеи.

Определение джадидизма в негативных категориях в советской историографии было связано с его требованиями в области национального языка, образования, представительства и культурной автономии. Эти требования в рамках советской идеологической парадигмы интерпретировались как классовая и политическая угроза. В постсоветский период то же

самое наследие было переосмыслено как один из конституирующих элементов национальной историографии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Джадидизм в контексте Кыргызстана не может рассматриваться исключительно как новый метод обучения грамоте или узко понимаемая образовательная реформа. Благодаря интеллектуальным связям, установленным с центрами в Идель-Уральском регионе, Крыму, Казани, Оренбурге и Средней Азии, движение способствовало развитию современных образовательных учреждений в кыргызском обществе, укреплению письменной культуры и формированию национальной интеллигенции.

Джадидизм в Кыргызстане, хотя и начался под влиянием крымско-поволжских просветителей и издательских кругов, вскоре приобрел своеобразный характер благодаря участию местных кыргызских акторов. Такие имена, как Шабдан Баатыр, Канат Ибыке уулу, Ишенаалы Арабаев, Осмоонаалы Сыдыков и Касым Тыныстанов, показывают, что движение не было просто привнесенной извне моделью реформ, а воспроизводилось в соответствии с местными общественными потребностями.

Тот факт, что после 1905 года джадидские круги вышли за рамки образовательной реформы и занялись такими вопросами, как пресса, язык, представительство, земельный вопрос и национальные права, обнаруживает, что движение приобрело политическое измерение. Вместе с тем связи с восстанием 1916 года и процессом советизации следует оценивать не в терминах прямой причинности, а в более широком контексте имперского управления, социального кризиса и модернизирующихся местных элит.

Определение джадидизма в советский период такими категориями, как «буржуазный национализм», «пантюркизм» и «панисламизм», стало препятствием для объективной оценки его роли. Архивные исследования, биографические изыскания и полевые работы, проведенные в постсоветский период, позволили заново обсудить место джадидского наследия в кыргызской модернизации и национальной историографии.

В этом отношении джадидизм представляет собой центральное, но требующее осторожной контекстуализации явление в истории Кыргызстана как с точки зрения институционализации современного образования, так и формирования национальной интеллигенции. Необходимо подчеркнуть историческую значимость движения. Однако более плодотворный академический подход предлагает анализировать его через отношения между различными акторами, институтами и регионами, а не представлять его как одномерный «проект нациестроительства» или гомогенную идеологию.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикбулатова 2022 — Бикбулатова А. Р., Ахунوف А. М., Гумеров И. Г. Прошлое татар Кыргызстана в архивных документах (конец XIX – начало XX вв.). Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2022. 320 с.
- Исхаков 2014 — Исхаков Д. М. Джадидизм // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 5. Татарский народ в составе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 816–835.
- Кубатова 2018 — Кубатова А. Кыргызстанда жадидчилик кыймылы (1900–1916). Анкара: Bengü Yayınları, 2018. 792 с. (на кырг. яз.)
- Юзеев 2018 — Юзеев А. Н. Идеология джадидизма: история и современность. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 272 с.
- Kubatova 2020 — Kubatova A. Jadidism in Kyrgyzstan: The Historical Value of Its Heritage in the Past and Present Day // UCA Research Paper. 2020. No. 6. 31 p.
- Mukhetdinov 2022 — Mukhetdinov D. V. Jadidism as a New Type of Religiosity: Essay on Preliminary Conceptualization // Islam in the Modern World. 2022. Vol. 18. No. 4. P. 43–70.

REFERENCES

- Bikbulatova A. R., Akhunov A. M., Gumerov I. G. Proshloe tatar Kyrgyzstana v arkhivnykh dokumentakh (konets XIX – nachalo XX vv.) [The Past of the Tatars of Kyrgyzstan in Archival Documents (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2022. 320 p. (In Russ.)
- Iskhakov D. M. Dzhadidizm [Jadidism]. Istoriya tatar s drevneishikh vremen: v 7 t. T. 5. Tatarskii narod v sostave Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX vv.) [History of the Tatars from Ancient Times: in 7 vols. Vol. 5. The Tatar People within the Russian Empire (18th – Early 20th Centuries)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 816–835. (In Russ.)
- Kubatova A. Kyrgyzstanda zhadidchilik kyimyly (1900–1916) [The Jadid Movement in Kyrgyzstan (1900–1916)]. Ankara, Bengü Yayınları Publ., 2018. 792 p. (In Kyrg.)
- Kubatova A. Jadidism in Kyrgyzstan: The Historical Value of Its Heritage in the Past and Present Day. UCA Research Paper, 2020, no. 6, 31 p. (In Eng.)
- Mukhetdinov D. V. Jadidism as a New Type of Religiosity: Essay on Preliminary Conceptualization. Islam in the Modern World, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 43–70. (In Eng.)
- Yuzeev A. N. Ideologiya dzhadidizma: istoriya i sovremennost' [The Ideology of Jadidism: History and Modernity]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018. 272 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 01.07.2026

Поступила после рецензирования / Revised 15.07.2026

Принята к публикации / Accepted 01.08.2026

Обзорная статья/ Review article**Языковая реформа в Турции 1920–1930-х гг. в отечественной, турецкой и западной историографии: сравнительный анализ интерпретаций****Галиуллина И.И.¹, Гатин М.С.^{2*}**¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация²Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

*irkyagaliullina@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются основные подходы к изучению языковой реформы в Турции 1920–1930-х гг. в отечественной, турецкой и западной историографии. Особое внимание уделяется тому, как разные научные традиции интерпретируют предпосылки реформы, ее реализацию и долгосрочные последствия. Показано, что отечественные исследователи чаще связывают языковую реформу с кемалистской модернизацией и государственным строительством, турецкая историография рассматривает ее как закономерный этап национального обновления, а западные авторы акцентируют внимание на двойственном характере реформы, сочетавшей модернизационный эффект с культурным разрывом с османским наследием. Делается вывод о том, что языковая реформа Мустафы Кемаль Ататюрка в историографии предстает не только как лингвистическое преобразование, но и как политико-культурный процесс, связанный с трансформацией идентичности, образования и исторической памяти.

Ключевые слова: языковая реформа, Турция, Мустафа Кемаль Ататюрк, кемализм, историография, турецкий язык, алфавитная реформа, национальное строительство, модернизация.

Для цитирования: Галиуллина И.И., Гатин М.С. Языковая реформа в Турции 1920–1930-х гг. в отечественной, турецкой и западной историографии: сравнительный анализ интерпретаций // *Studia Turkologica*. 2026. Т. 1, кн. 1. С. 56–69.

Language Reform in Turkey in the 1920s and 1930s in Russian, Turkish and Western Historiography: a comparative analysis of interpretations**Galiullina I.I.¹, Gatin M.S.^{2*}**¹Kazan Federal University, Kazan, Russia²Kazan Federal University, Kazan, Russia

*irkyagaliullina@gmail.com

Abstract

The article examines the main approaches to the study of language reform in Turkey in the 1920s and 1930s in Russian, Turkish and Western historiography. Special attention is paid to how different scientific traditions interpret the prerequisites of the reform, its implementation and long-term consequences. It is shown that domestic researchers more often associate language reform with Kemalist modernization and state-building, Turkish historiography considers it as a natural stage of national renewal, and Western

authors focus on the dual nature of the reform, which combined the modernization effect with a cultural gap with the Ottoman heritage. It is concluded that the language reform of Mustafa Kemal Atatürk appears in historiography not only as a linguistic transformation, but also as a political and cultural process associated with the transformation of identity, education and historical memory.

Keywords: language reform, Turkey, Mustafa Kemal Atatürk, kemalism, historiography, Turkish language, alphabet reform, nation building, modernization.

For citation: Galiullina I.I., Gatin M.S. Language Reform in Turkey in the 1920s and 1930s in Russian, Turkish and Western Historiography: A Comparative Analysis of Interpretations. *Studia Turkologica*, 2026, vol. 1, no. 1, pp. 56–69. (In Russian)

Введение

Языковая реформа в Турции 1920–1930-х гг. занимает особое место в истории раннереспубликанского периода. Она не ограничивалась заменой арабской графики латинским алфавитом и не может быть сведена исключительно к вопросу удобства письма. Речь шла о более глубоком процессе: изменении письменной нормы, обновлении словарного состава, перестройке образовательной политики и формировании нового представления о национальном языке. Поэтому языковая политика Мустафы Кемаля Ататюрка стала одним из тех направлений реформаторского курса, где лингвистические, политические и культурные задачи оказались тесно связаны между собой. После распада Османской империи перед Турецкой Республикой стояла задача не только институционального, но и символического переустройства общества. Новое государство стремилось выстроить иную модель идентичности – светскую, национальную, ориентированную на модернизацию и массовое образование. В этом контексте язык стал не вспомогательным, а одним из центральных инструментов преобразований. Через реформу письменности и лексику закреплялся отход от османской традиции, создавались условия для расширения грамотности и формировался образ современного турецкого языка как языка республиканского государства.

В отечественной историографии языковая реформа чаще всего рассматривается в связи с общим процессом кемалистской модернизации, национального строительства и изменением культурно-политической модели ранней Турецкой Республики. В этом отношении показательны исследования, где языковые преобразования связываются с формированием нового национального государства, отказом от османской письменной традиции и поиском новой модели культурной идентичности [13, с. 106–119], [16, с. 70–77]. Более специальные работы позволяют проследить, как в отечественной научной традиции оцениваются алфавитная реформа, деятельность Турецкого лингвистического общества, изменение

лексического состава и становление новой письменной нормы [17, с. 222–227], [18, с. 245–250], [19, с. 484–493], [20, с. 61–67]. Для этой группы исследований характерно стремление рассматривать реформу как часть перехода от имперской модели к республиканскому национальному государству.

Иначе расставляет акценты турецкая историография, где языковая реформа чаще осмысливается как закономерный этап национального обновления и формирования современной языковой нормы. В работах турецких исследователей значительное внимание уделяется роли Ататюрка, Турецкого лингвистического общества, терминологической работе и закреплению республиканской языковой политики [1], [8], [9]. Отдельный интерес представляет вопрос о том, как реформа отражалась в общественной и печатной среде: изменение алфавита требовало не абстрактного признания новой графики, а ее повседневного освоения через прессу, школу и публичную коммуникацию [10]. В этой традиции реформа чаще предстает как созидательный процесс, позволивший укрепить республиканскую идентичность и заложить основы современной языковой нормы.

Западная научная литература предлагает более дистанцированную и критически сдержанную оптику. Исследователи рассматривают реформу в связи с модернизацией, секуляризацией, лингвистическим национализмом и политическим конструированием нового культурного порядка [3], [4], [5], [12]. Особое внимание уделяется долгосрочным последствиям: переобучению населения, трансформации практик чтения и письма, изменению исторической памяти и разрыву с османским письменным наследием [6], [11], [14], [15]. Благодаря этому западная историография позволяет увидеть реформу как результативный государственный проект, культурная неоднозначность которого проявилась уже за пределами непосредственных задач алфавитной реформы.

Несмотря на значительное число работ, посвященных кемализму, истории Турецкой Республики и развитию турецкого языка, сравнительный анализ историографических интерпретаций языковой реформы сохраняет самостоятельное значение. Обычно реформа изучается либо как элемент общей модернизации, либо как сюжет истории языка. Между тем сопоставление отечественной, турецкой и западной традиций позволяет увидеть, почему одни исследователи подчеркивают государственно-модернизационный аспект, другие – национально-созидательный, а третьи – проблему культурной памяти и разрыва с османским наследием.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей интерпретации языковой реформы в Турции 1920–1930-х гг. в отечественной, турецкой и западной историографии. В центре внимания находятся три взаимосвязанных вопроса: как исследователи объясняют

предпосылки реформы, как оценивают ее реализацию и какие последствия считают наиболее значимыми, что в совокупности позволяет рассмотреть языковую реформу не только как событие истории турецкого языка, но и как объект историографического спора о модернизации, национальном строительстве и культурной преемственности.

1. Материалы и методы

1.1. Материалом исследования послужили научные работы, посвященные языковой реформе в Турции 1920–1930-х гг., а также труды, в которых данная проблема рассматривается в контексте кемалистской модернизации, национального строительства, секуляризации и трансформации культурной политики ранней Турецкой Республики. В корпус исследования были включены работы отечественных, турецких и западных авторов, что позволило сопоставить несколько исследовательских традиций и выявить различия в интерпретации одного и того же историко-языкового процесса.

Отечественный блок составили исследования, в которых языковая реформа рассматривается в связи с национальным строительством, латинизацией, деятельностью языковых институтов и изменением письменной нормы. В этом отношении были использованы работы Ф. Л. Синицына, Д. В. Жигульской, Д. В. Семкулич, С. Д. Шукринова и З. Г. Яфаровой [13], [16]–[20]. Перечисленные публикации позволяют проследить, как в российской научной традиции языковые преобразования раннереспубликанской Турции связываются с модернизационным курсом, становлением новой языковой нормы и переосмыслением османского наследия.

Турецкая историография представлена работами, в которых языковая реформа осмысляется как часть республиканской языковой политики и формирования современного турецкого языка. Для анализа были привлечены исследования Ш. Х. Акалына, А. Б. Эрджиласуна, Б. И. Карамана, Х. Курта и К. Йылмаза [1], [8]–[10], [15]. Дополнительно использовались официальные материалы, связанные с языковой политикой ранней Республики: закон о принятии и применении турецких букв, речи и выступления Ататюрка, материалы Турецких языковых курултаев, а также словарные материалы Турецкого лингвистического общества [Закон 1353; АСД; БТДК; ИТДК; УТДК; Кыл.]. Данный корпус дает возможность рассмотреть реформу в той исследовательской и институциональной среде, где она чаще интерпретируется как закономерный этап национального обновления.

Западный блок исследования включает работы, в которых языковая реформа анализируется в контексте модернизации, секуляризации, лингвистического национализма, культурной памяти и социальной адаптации населения. В эту группу вошли исследования С.

Акина и М. А. Акинджи, Х. О. Алтуна, И. Айтюрка, Б. Джаймаза и Э. Сзурек, Х. Эмек Гроссе, Дж. Р. Перри, Дж. Льюиса и Х. Йылмаза [2]–[7], [11], [12], [14]. Эти работы особенно важны для анализа критически сдержанной оценки реформы, поскольку в них внимание переносится с официальной риторики преобразований на долгосрочные последствия: переобучение населения, изменение практик чтения и письма, разрыв с османской письменной традицией и связь языка с политическим проектом государства.

В качестве основного метода был использован историографический анализ, позволивший выявить, какие аспекты языковой реформы оказываются значимыми для разных научных традиций и какие объяснительные модели применяются в ходе ее интерпретации. В центре внимания находились не просто сведения о предпосылках, ходе и результатах реформы, но и способы их научного осмысления: выбор проблемных акцентов, характер оценок, связь языковой политики с модернизацией, секуляризацией, национальной идентичностью и культурной памятью.

Сравнительно-историографический подход применялся для сопоставления отечественной, турецкой и западной литературы, он позволил рассмотреть языковую реформу не как единый и однозначно оцениваемый процесс, а как объект различных научных интерпретаций. В одной традиции на первый план выходит роль государства и реформаторской элиты, в другой – национально-созидательный смысл преобразований, в третьей – культурная цена реформы и проблема разрыва с османским наследием.

Также использовался проблемно-хронологический подход, который позволил выстроить анализ вокруг более широкого процесса, включавшего подготовку реформы, ее институциональную реализацию и дальнейшие последствия, чем само событие 1928 г., связанное с переходом на латинский алфавит. Языковая реформа в Турции не завершилась принятием нового алфавита, ведь она продолжилась в лексической политике, нормировании языка, образовательной практике и деятельности Турецкого лингвистического общества.

В процессе анализа литературы учитывалось соотношение описательного и оценочного уровней: начиная с того, как исследователи излагают ход реформы, определяют ее причины и фиксируют основные результаты до выявления смыслов, которые приписываются реформе: модернизационный успех, этап национального строительства, инструмент секуляризации, культурный разрыв или форма государственного вмешательства в развитие языка. Выбранные материалы и методы позволяют рассмотреть языковую реформу в Турции 1920–1930-х гг. в первую очередь как предмет историографического анализа, что дает возможность выявить, каким образом научная традиция, исследовательская позиция и

культурно-исторический контекст влияют на интерпретацию одного из ключевых преобразований раннереспубликанской Турции.

2. Результаты и обсуждение

2.1. Основные модели интерпретации языковой реформы в историографии.

Сопоставление отечественной, турецкой и западной историографии показывает, что языковая реформа в Турции 1920–1930-х гг. получила несколько устойчивых моделей интерпретации, которые различаются не столько набором фактов, сколько тем, какие причинно-следственные связи исследователи считают главными. Одни авторы видят в реформе прежде всего элемент государственного строительства, другие связывают ее с национальным обновлением, третьи акцентируют внимание на культурных последствиях и изменении отношения общества к османскому прошлому.

В отечественной историографии языковая реформа чаще всего включается в общий контекст кемалистской модернизации, национального строительства и перехода от османской имперской модели к раннереспубликанскому государству. Такой подход прослеживается в исследованиях, где языковые преобразования Турции 1920–1930-х гг. связываются с политикой латинизации, формированием новой культурной идентичности и изменением роли языка в государственном проекте [13, р. 106–119], [16, с. 70–77]. Реформа языка в этой исследовательской традиции воспринимается как часть широкого комплекса преобразований, направленных на создание светского национального государства. Отсюда и характерные акценты: роль государства, управляемый характер реформ, связь языковой политики с европеизацией, секуляризацией и разрывом с османской политико-культурной моделью. При этом отечественные авторы, обращавшиеся к истории турецкого языка, выводят на первый план и собственно лингвистические основания реформы. В их работах подчеркивается необходимость изменения письменной нормы, институциональное значение деятельности Турецкого лингвистического общества, обновление лексического состава языка и постепенное формирование современной грамматической и письменной традиции [17, с. 222–227], [18, с. 245–250], [19, с. 484–493]. Значение этих исследований состоит в том, что они связывают политическую логику реформы с языковыми задачами: государственная модернизация опиралась на проблему письменной коммуникации, образования и нормирования языка. Вместе с тем отечественная традиция редко оценивает реформу в исключительно позитивном ключе: даже при признании ее исторической необходимости сохраняется внимание к противоречиям. Так, З. Г. Яфарова показывает, что переход к новым буквам был связан с активным участием печати и постепенной адаптацией общественного

пространства к новой графике [20, с. 61–67], а исследования Д. В. Семкулич позволяют увидеть дальнейшее лексическое обновление как сложный процесс сокращения арабо-персидских заимствований и поиска тюркских эквивалентов [18, с. 245–250]. Особенно ценным источником для изучения турецкой интерпретации реформы является упомянутый ранее журнал «Хаят», которому З. Г. Яфарова уделяет отдельное внимание. Сам журнал выходил в 1926–1929 гг. и был связан с Министерством народного просвещения, кроме того, его редактор Мехмет Эмин Эриширгиль входил в состав Комиссии по турецкому языку, как следствие, «Хаят» отражает общественную дискуссию и официальный просветительский дискурс реформы. С 18 октября 1928 г. часть материалов журнала печаталась уже латиницей, а с 29 ноября 1928 г. издание полностью перешло на новый алфавит [20, с. 61–67]. Отечественная историографическая модель может быть определена как модернизационно-критическая: она признает реформу важным элементом республиканского строительства, одновременно фиксируя ее культурную значимость и противоречивые последствия для связи с османским письменным наследием.

Иной тон задает турецкая историография, в контексте которой языковая реформа чаще выступает как закономерный этап национального развития, а особое значение в данном подходе имеет идея исторической подготовленности реформы: преобразования Ататюрка представлены не как произвольное политическое решение, а как итог более длительного движения к обновлению письменности, упрощению языка и закреплению новой республиканской языковой нормы [1, с. 1–58], [8, с. 4–18]. Турецкие авторы стремятся показать, что языковая политика ранней Республики соответствовала потребностям национального образования, прессы, государственного управления и научной терминологии. Важное место в этой традиции занимает образ реформы как созидательного процесса: деятельность Ататюрка, Турецкого лингвистического общества, языковых курултаев (на турецком: *Türk Dil Kurultayı* – съезд, конгресс, собрание по вопросам турецкого языка), первый из которых в 1932 г. стал площадкой, где языковая политика была представлена как дело национального масштаба, работа над словарями и терминологией рассматриваются как последовательные шаги по формированию современного турецкого языка [АСД; БТДК; ИТДК; УТДК], [9, р. 89–126]. Язык рассматривался не только как средство общения, но и как доказательство древности, самостоятельности и культурной значимости турецкой нации, следовательно, в 1930-е гг. языковая политика выходила далеко за рамки практической орфографической реформы. В этой оптике язык выступает одним из оснований республиканской идентичности: он должен быть понятным гражданам, пригодным для светского образования, открытым для науки, прессы и современного общественного

общения. Турецкая историография в большей степени склонна подчеркивать результативность реформы, хотя отдельные исследования фиксируют и трудности, связанные с темпом преобразований, пуризмом, изменением привычной письменной среды и отношением к османскому наследию [10, s. 106–126], [15, p. 59–82]. Притом общий смысл реформы чаще остается положительным, поскольку она трактуется как освобождение языка от элитарной сложности, средство культурного обновления и одно из важнейших достижений ранней Республики.

Западная историография выстраивает более дистанцированную картину: в работах зарубежных авторов языковая реформа рассматривается в контексте модернизации, секуляризации, лингвистического национализма и изменения политико-культурной модели ранней Республики [3, p. 155–166], [4, p. 1–25], [5, p. 275–293], [12, p. 295–311]. При таком подходе особое внимание уделяется последствиям, которые в турецком официальном нарративе обычно представлены менее подробно. Речь идет о разрыве с османской письменной традицией, переобучении населения, изменении визуальной культуры письма, трансформации читательских практик и исторической памяти [6], [14, p. 677–697], [15, p. 59–82]. Особенно показательна в этом отношении оценка Дж. Льюиса, который характеризовал языковую реформу как «катастрофический успех» [11]. Слово «катастрофический» здесь указывает на разрыв между поколениями и утрату естественного доступа к османскому письменному наследию, реформа оказалась успешной как политическая кампания, но ее культурные последствия были гораздо сложнее, чем предполагал официальный республиканский нарратив. Именно проблема разрыва с османским наследием занимает в западной историографии одно из центральных мест: переход на латиницу и последующее очищение языка от арабо-персидских элементов изменили не только внешний облик письменности, но и саму возможность чтения текстов прежней эпохи. В этой формуле соединены признание эффективности реформы и критическое понимание ее последствий. Государство сумело внедрить новый алфавит, изменить языковую норму, создать институциональные механизмы регулирования языка, однако цена этого успеха оказалась высокой: новые поколения получили ограниченный доступ к османским текстам, а культурная преемственность стала требовать специальной подготовки. Поэтому западная историография чаще задает вопрос не о том, была ли реформа успешной, а о том, какие формы культурной памяти она изменила. Для западных исследований важна и социальная сторона реформы. Так, Х. Йылмаз обращает внимание на то, что алфавитная революция была опытом конкретных людей, вынужденных осваивать новую письменность и новые практики чтения [14, p. 677–697]. И. Айтюрк показывает связь языковой политики с лингвистическим

национализмом и стремлением республиканской элиты создать новое представление о турецком языке [4, р. 1–25]. Х. О. Алтун, в свою очередь, рассматривает реформу через сопоставление модернизационного и упрощающего объяснения, что позволяет точнее увидеть двойственность ее оценок в современной литературе [3, р. 155–166]. В результате западная модель интерпретации оказывается наиболее чувствительной к неоднозначности реформы: модернизационный эффект здесь постоянно сопоставляется с культурным разрывом и переопределением османского наследия.

Различие между тремя историографическими подходами можно представить в обобщенном виде (см. табл. 1):

Табл. 1. Основные модели интерпретации языковой реформы в отечественной, турецкой и западной историографии

Table 1. Main models of interpretation of language reform in Russian, Turkish and Western historiography

Историографическая традиция	Основной исследовательский акцент	Ключевая оценка реформы	Проблемные аспекты, выделяемые авторами
Отечественная историография	Кемалистская модернизация, государственное строительство, переход от имперской модели к республиканской	Реформа рассматривается как значимый элемент модернизации Турции и формирования национального государства	Культурная дистанция с османским наследием, сильная роль государства, противоречивость лексического обновления
Турецкая историография	Национальное обновление, развитие современного турецкого языка, укрепление республиканской идентичности	Реформа оценивается преимущественно как успешный и закономерный этап языкового и национального развития	Трудности пуризма, искусственные новообразования, необходимость согласования обновления языка с исторической преемственностью
Западная историография	Модернизация, секуляризация, культурная память, социальная адаптация населения	Реформа понимается как эффективный, но неоднозначный политико-культурный проект	Разрыв с османской письменной традицией, изменение исторической памяти, переобучение населения, зависимость языковой нормы от политического проекта

Представленная таблица показывает, что различие между историографическими традициями связано прежде всего с тем, какой уровень реформы оказывается главным для исследователя. В отечественной литературе заметно стремление удерживать политический и языковой аспекты в единой логике: реформа рассматривается как часть модернизационного курса, но ее последствия оцениваются с учетом сложности лексического обновления и

изменения письменной нормы [16, с. 70–77], [17, с. 222–227], [18, с. 245–250]. Подход позволяет избежать чрезмерно прямолинейной оценки, при которой алфавитная реформа объясняется только задачами грамотности или только идеологией кемализма.

Турецкая традиция, напротив, сильнее связана с внутренней республиканской перспективой. В ней языковая реформа часто выступает как продолжение проекта Ататюрка, направленного на создание современного языка, пригодного для школы, науки, печати и государственного управления [1, с. 1–58], [8, с. 4–18]. Поэтому в турецких исследованиях особенно значимы темы институционального оформления реформы, деятельности Турецкого лингвистического общества, терминологической работы и закрепления новой нормы через официальные и образовательные механизмы [БТДК; ИТДК; УТДК], [9, с. 89–126]. Критические сюжеты здесь присутствуют, но чаще не разрушают общего представления о реформе как о важном достижении ранней Республики.

Западная литература смещает внимание к тем последствиям, которые проявились позднее и не всегда совпадали с первоначальными задачами реформаторов. В этом отношении показательны исследования, где алфавитная революция рассматривается через опыт переобучения населения, изменение практик чтения, формирование лингвистического национализма и проблему доступа к османскому наследию [4, с. 1–25], [11], [14, с. 677–697], [15, с. 59–82]. В результате западная историография делает более заметным напряжение между модернизационным успехом реформы и ее культурной ценой.

Сравнение трех моделей показывает, что различия в историографии определяются не самим фактом реформы, а выбранной исследовательской перспективой: отечественные авторы чаще рассматривают языковую политику в логике модернизационного курса Турецкой Республики, турецкая традиция сильнее связана с внутренним республиканским нарративом, где реформа выступает как один из символов национального обновления, а западная литература делает акцент на последствиях, которые проявились за пределами непосредственных задач реформаторов – в сфере памяти, образования, культурной преемственности и политического конструирования языка. В результате языковая реформа предстает как многозначный исторический процесс, который невозможно описать только через удобство латинской графики, рост грамотности или деятельность Ататюрка. В историографии она оказывается точкой пересечения нескольких сюжетов: модернизации государства, формирования национальной идентичности, секуляризации культуры, перестройки образования и переопределения османского наследия, где сравнительный подход позволяет увидеть многогранную систему интерпретаций, каждая из которых

отражает определенную научную и культурную оптику, а не просто одну «правильную» оценку реформы.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ показал, что языковая реформа в Турции 1920–1930-х гг. в разных историографических традициях получает неодинаковое объяснение, а общим для большинства исследований остается признание ее значимости для раннереспубликанского периода. Важно уточнить, что смысловые акценты распределяются по-разному: отечественные авторы чаще связывают реформу с кемалистской модернизацией и государственным строительством, турецкая историография рассматривает ее как этап национального обновления, а западные исследователи выводят на первый план долгосрочные культурные и социальные последствия.

Отечественная историографическая традиция позволяет рассмотреть языковую реформу в контексте перехода от османской имперской модели к республиканскому национальному государству – здесь особенно важны роль государства, управляемый характер преобразований, связь алфавитной реформы с секуляризацией, европеизацией и развитием массового образования.

Турецкая историография, напротив, сильнее ориентирована на созидательный смысл реформы, в контексте чего языковая политика Ататюрка чаще предстает как закономерный и успешный этап формирования современного турецкого языка, укрепления республиканской идентичности и сближения письменной нормы с народной речью. Исследуемая интерпретация тесно связана с внутренним республиканским нарративом, в рамках которого языковая реформа воспринимается как одно из ключевых достижений новой Турции.

Западная научная литература демонстрирует более критически сдержанный подход, характеризуя языковую реформу как противоречивый политико-культурный процесс: авторы признают результативность данного события в качестве модернизационного проекта, однако особое внимание уделяют изменению исторической памяти, переобучению населения, трансформации практик чтения и письма, утрате прямого доступа к значительной части османского письменного наследия.

Как итог, сопоставление трех исследовательских традиций позволяет сделать вывод, что языковая реформа в Турции 1920–1930-х гг. является предметом не единой оценки, а нескольких конкурирующих интерпретаций – именно множественность подходов делает проблему языковой реформы значимой для дальнейшего историографического изучения истории Турции XX в.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

- Закон 1353 – Türk Harflerinin Kabul ve Tatbiki Hakkında Kanun № 1353 [Закон о принятии и применении турецких букв № 1353] // Resmî Gazete. 3 Kasım 1928. Sayı 1030.
- АСД – Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri [Речи и выступления Ататюрка]: в 3 т. Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi, 2006.
- БТДК – Birinci Türk Dili Kurultayı (26 Eylül 1932): Tezler, Müzakere Zabıtları [Первый конгресс турецкого языка, 26 сентября 1932 г.: тезисы, протоколы обсуждений] / Türk Dil Kurumu. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1933. 526 s.
- ИТДК – İkinci Türk Dili Kurultayı (18 Ağustos 1934): Tezler, Müzakere Zabıtları [Второй конгресс турецкого языка, 18 августа 1934 г.: тезисы, протоколы обсуждений] / Türk Dil Kurumu. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1934.
- УТДК – Üçüncü Türk Dil Kurultayı (24–31 Ağustos 1936): Tezler, Müzakere Zabıtları [Третий конгресс турецкого языка, 24–31 августа 1936 г.: тезисы, протоколы обсуждений] / Türk Dil Kurumu. İstanbul: Devlet Basımevi, 1937. 498 s.
- Кыл. – Osmanlıcadan Türkçeye Cep Kılavuzu [Карманный справочник: от османского языка к турецкому] / Türk Dil Kurumu. İstanbul: Devlet Basımevi, 1935.

Литература

- Akalın Ş.H. Atatürk Döneminde Türkçe ve Türk Dil Kurumu // Türk Dili. 2002. № 607. S. 1–58.
- Akin S., Akinci M.A. La réforme linguistique turque // Glottopol. Revue de sociolinguistique en ligne. 2003. № 1. P. 76–86.
- Altun H.O. Modernization or Simplification: An Empirical Approach to the Turkish Language Reform // Perspektywy Kultury. 2022. Vol. 36, No 1. P. 155–166. <https://doi.org/10.35765/pk.2022.3601.11>.
- Aytürk İ. Turkish Linguists against the West: The Origins of Linguistic Nationalism in Atatürk's Turkey // Middle Eastern Studies. 2004. Vol. 40, No 6. P. 1–25. <https://doi.org/10.1080/0026320042000282856>.
- Aytürk İ. The First Episode of Language Reform in Republican Turkey: The Language Council from 1926 to 1931 // Journal of the Royal Asiatic Society. 2008. Ser. 3. Vol. 18, No 3. P. 275–293. <https://doi.org/10.1017/S1356186308008511>.
- Caymaz B., Szurek E. La révolution au pied de la lettre. L'invention de «l'alphabet turc» // European Journal of Turkish Studies. 2007. № 6.
- Emek Grosse H. Language reforms in the Middle East revisited: Turkey, Iran, and Israel // Cogent Social Sciences. 2025. Vol. 11, No 1. Article 2503438. <https://doi.org/10.1080/23311886.2025.2503438>.
- Ercilasun A.B. Atatürk ve Türk Dil Kurumu // Türk Dili. 2022. Yıl 71, Sayı 851. S. 4–18.
- Karaman B.İ. Atatürk and the Turkish Terminology Reform: The (Re-)turkification of Geography Terms // Bilig. 2014. № 69. P. 89–126. <https://doi.org/10.12995/bilig.2014.6905>.
- Kurt H. Harf Değişikliği ve Basının Yeni Harflere Geçerken Takındığı Tutum // Akdeniz Üniversitesi İletişim Fakültesi Dergisi. 2013. № 19. S. 106–126.
- Lewis G. The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success. Oxford: Oxford University Press, 1999. 190 p.
- Perry J.R. Language Reform in Turkey and Iran // International Journal of Middle East Studies. 1985. Vol. 17, No 3. P. 295–311.
- Sinitsyn F.L. Language Reform in Turkey and Soviet Latinisers, 1920s–1930s // Novaya i Novejshaya Istoriya. 2025. № 2. P. 106–119. <https://doi.org/10.31857/S0130386425020098>.
- Yılmaz H. Learning to Read (Again): The Social Experiences of Turkey's 1928 Alphabet Reform // International Journal of Middle East Studies. 2011. Vol. 43, No 4. P. 677–697. <https://doi.org/10.1017/S0020743811000900>.
- Yılmaz K. Critical Examination of the Alphabet and Language Reforms Implemented in the Early Years of the Turkish Republic // Journal of Social Studies Education Research. 2011. Vol. 2. P. 59–82.

- Жигульская Д.В. Языковые реформы в раннереспубликанской Турции как часть процесса национального строительства // *Современные востоковедческие исследования*. 2022. Т. 4, № 2. С. 70–77.
- Семкулич Д.В. Реформаторская деятельность Турецкого лингвистического общества в период языковой революции в Турции // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2021. № 10 (163). С. 222–227.
- Семкулич Д.В. Замена деривативных аффиксов тюркскими эквивалентами – структурная доминанта процесса сокращения арабо-персидских лексических заимствований в турецком языке способом калькирования // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2022. № 2 (165). С. 245–250.
- Шукринов С.Д. Основные этапы формирования турецкой грамматики // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*. 2016. № 3. С. 484–493.
- Яфарова З.Г. Реформа турецкого языка и ее отражение на страницах журнала «Хаят» (1926–1929) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика*. 2015. № 3. С. 61–67.

References

- Akalın Ş.H. Atatürk döneminde Türkçe ve Türk Dil Kurumu. *Türk Dili*, 2002, no. 607, pp. 1–58. (In Turkish)
- Akin S., Akinci M.A. La réforme linguistique turque. *Glottopol. Revue de sociolinguistique en ligne*, 2003, no. 1, pp. 76–86. (In French)
- Altun H.O. Modernization or simplification: An empirical approach to the Turkish language reform. *Perspektywy Kultury*, 2022, vol. 36, no. 1, pp. 155–166. <https://doi.org/10.35765/pk.2022.3601.11>.
- Aytürk İ. Turkish linguists against the West: The origins of linguistic nationalism in Atatürk's Turkey. *Middle Eastern Studies*, 2004, vol. 40, no. 6, pp. 1–25. <https://doi.org/10.1080/0026320042000282856>.
- Aytürk İ. The first episode of language reform in Republican Turkey: The Language Council from 1926 to 1931. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 2008, ser. 3, vol. 18, no. 3, pp. 275–293. <https://doi.org/10.1017/S1356186308008511>.
- Caymaz B., Szurek E. La révolution au pied de la lettre. *L'invention de «l'alphabet turc»*. *European Journal of Turkish Studies*, 2007, no. 6. (In French)
- Emek Grosse H. Language reforms in the Middle East revisited: Turkey, Iran, and Israel. *Cogent Social Sciences*, 2025, vol. 11, no. 1, article 2503438. <https://doi.org/10.1080/23311886.2025.2503438>.
- Ercilasun A.B. Atatürk ve Türk Dil Kurumu. *Türk Dili*, 2022, year 71, no. 851, pp. 4–18. (In Turkish)
- Karaman B.İ. Atatürk and the Turkish terminology reform: The (Re-)turkification of geography terms. *Bilig*, 2014, no. 69, pp. 89–126. <https://doi.org/10.12995/bilig.2014.6905>.
- Kurt H. Harf değişikliği ve basının yeni harflere geçerken takındığı tutum. *Akdeniz Üniversitesi İletişim Fakültesi Dergisi*, 2013, no. 19, pp. 106–126. (In Turkish)
- Lewis G. The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success. Oxford, *Oxford University Press*, 1999. 190 p.
- Perry J.R. Language reform in Turkey and Iran. *International Journal of Middle East Studies*, 1985, vol. 17, no. 3, pp. 295–311.
- Sinit syn F.L. Language reform in Turkey and Soviet latinisers, 1920s–1930s. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2025, no. 2, pp. 106–119. <https://doi.org/10.31857/S0130386425020098>.
- Yılmaz H. Learning to read (again): The social experiences of Turkey's 1928 alphabet reform. *International Journal of Middle East Studies*, 2011, vol. 43, no. 4, pp. 677–697. <https://doi.org/10.1017/S0020743811000900>.
- Yılmaz K. Critical examination of the alphabet and language reforms implemented in the early years of the Turkish Republic. *Journal of Social Studies Education Research*, 2011, vol. 2, pp. 59–82.
- Zhigul'skaya D.V. Language reforms in early Republican Turkey as part of nation-building process. *Sovremennye Vostokovedcheskie Issledovaniya*, 2022, vol. 4, no. 2, pp. 70–77. (In Russian)

- Semkulich D.V. Reform activities of the Turkish Linguistic Society during the language revolution in Turkey. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2021, no. 10 (163), pp. 222–227. (In Russian)
- Semkulich D.V. Replacement of derivative affixes with Turkic equivalents as a structural dominant of reducing Arabic-Persian lexical borrowings in Turkish through calquing. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2022, no. 2 (165), pp. 245–250. (In Russian)
- Shukrinov S.D. Main stages in the formation of Turkish grammar. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, 2016, no. 3, pp. 484–493. (In Russian)
- Yafarova Z.G. Turkish language reform and its reflection in the journal “Hayat” (1926–1929). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. Afrikanistika*, 2015, no. 3, pp. 61–67. (In Russian)

Информация об авторах

Иркия Ильсуровна Галиуллина, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: irkyagaliullina@gmail.com

Марат Салаватович Гатин, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: marat_gata@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0006-5501>

Author Information

Irkyia I. Galiullina, Kazan Federal University

E-mail: irkyagaliullina@gmail.com

Marat S. Gatin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Tatarstan, Kazan Federal University

E-mail: marat_gata@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0006-5501>

Поступила в редакцию / Received 15.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 14.07.2026

Принята к публикации / Accepted 01.08.2026

Турция и турко-кипрская община в кипрской проблеме (1992 – 2004)

Муллаянов А.Ш.

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
(420111, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических дисциплин
ORCID: 0000-0001-8290-9012. E-mail: mullayanovas@ieml.ru.

Аннотация

Кипрская проблема - неразрешённый межэтнический антагонизм между общинами греческих и турецких киприотов соответственно. Конфликт на острове насчитывает более 60 лет. Хотя «острая» фаза противостояния на Кипре преодолена, на её «замороженном» этапе так и не достигнут всеобъемлющий компромисс всех сторон. Важно понимать, что казус Кипра - не только внутривосточная проблема: это многослойный феномен, внешними участниками которого в значительной степени являются Греция и Турция.

Предмет анализа данной статьи - изучение позиции Турции в кипрской проблеме. В качестве хронологических рамок предлагается период с 1992 по 2004 годы - от периода *de facto* установления постбиполярного миропорядка до принятия Республики Кипр в состав Европейского союза. Дипломатия Турции в кипрском вопросе неразрывно связана с его внутренней динамикой: с начала 1990-х гг. стороны кипрского конфликта и международные акторы в условиях меняющихся реалий глобальных политических процессов привносят в казус Кипра новые форматы. Происходит качественный переход к поиску взаимоприемлемых решений на глобальном, региональном и локальном уровнях. С одной стороны, Организация Объединённых Наций (ООН) активно действует на «кипрском треке» как посредник. С другой стороны, в 1990-е - начале 2000-х гг. возрастает активность Европейского союза в кипрском вопросе. Община турецких киприотов и Турция не могли не играть важной роли в поиске мирных путей кипрского урегулирования. Ниже представлен историко-политический анализ основных позиций и предложений Турции по Кипру, перцепция кипрской политики Турции турецкими киприотами, предпосылки и причины формулирования внешнеполитической повестки Турции на Кипре, её эволюция.

Ключевые слова: международные отношения, постбиполярный период, кипрская проблема, турко-кипрская община, Турция, Греция, греко-кипрская община, «план Аннана», ООН, Европейский союз.

Для цитирования: Муллаянов А.Ш. Турция и турко-кипрская община в кипрской проблеме (1992–2004) // *Studia Turkologica*. 2026. Т. 1, кн. 1. С. 70–82.

Turkey and the Turkish-Cypriot Community in the Cyprus Problem (1992 - 2004)

Mullayanov Aydar Sh.

Kazan Innovative University n.a. V.G. Timiryasov
(420111, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Socio-political Disciplines
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Abstract

The Cyprus problem is an unresolved inter-ethnic antagonism between Greek and Turkish Cypriot communities respectively. The conflict on the island dates back more than 60 years. Although the "acute" phase of the confrontation in Cyprus has been overcome, its "frozen" phase has not achieved a comprehensive compromise of all parties. It is important to realize that the Cyprus issue is not only an internal political problem: it is a multi-layered phenomenon, the external participants of which are to a large extent Greece and Turkey.

The subject of analysis of this article is the study of Turkey's position in the Cyprus problem. The period from 1992 to 2004, from the *de facto* establishment of the post-bipolar world order to the admission of the Republic of Cyprus into the European Union, is proposed as the chronological framework. Turkey's diplomacy in the Cyprus issue is inextricably linked to its internal dynamics: since the early 1990s, the parties to the Cyprus conflict and international actors have been bringing new formats to the case of Cyprus under the changing realities of global political processes. There has been a qualitative transition to the search for mutually acceptable solutions at the global, regional and local levels. On the one hand, the United Nations (UN) is active in Cyprus agenda as a mediator. On the other hand, in the 1990s and early 2000s, the European Union became increasingly active in the Cyprus issue. The Turkish Cypriot community and Turkey could not but play an important role in the search for peaceful ways of Cyprus settlement. The following is a historical and political analysis of Turkey's main positions and proposals on Cyprus, Turkish Cypriots' perception of Turkey's Cyprus policy, preconditions and reasons for the formulation of Turkey's foreign policy agenda in Cyprus, and its evolution.

Keywords: international relations, post-bipolar period, Cyprus problem, Turkish-Cypriot community, Turkey, Greece, Greek-Cypriot community, "Annan Plan", UN, European Union.

For citation: Mullayanov A.Sh. Turkey and the Turkish-Cypriot Community in the Cyprus Problem (1992–2004). *Studia Turkologica*, 2026, vol. 1, no. 1, pp. 70–82. (In Russian)

Введение

На протяжении более 50 лет кипрский антагонизм продолжает оставаться неразрешённым межэтническим конфликтом. Территория острова остаётся разделённой между представителями греко-кипрской и турко-кипрской общин. На законодательном уровне пока не достигнуто всеобъемлющего урегулирования по вопросам статуса беженцев и перемещенных лиц, прав собственности на жильё, проблеме сохранения объектов

культурного наследия. У поверхностного наблюдателя может сложиться впечатление о том, что кипрская проблема на сегодняшний день потеряла свою актуальность: о ней не пишут каждый день ведущие мировые новостные агентства, не найти упоминания о кипрском вопросе на первых полосах авторитетных общественно-политических газет, а также в текстах популярных электронных СМИ. Однако в действительности кипрский антагонизм продолжает оставаться важным вопросом, определяющим каждодневную жизнь непосредственных автохтонных жителей Кипра - греко-кипрской и турко-кипрской общин. В этой связи задача исследования роли и места фактора турко-кипрской общины и Турции в кипрской проблеме в важный исторический период становления биполярной системы международных отношений на глобальном уровне и выхода кипрского урегулирования на локальном треке на рубеж достижения консенсуса в связи с подготовкой «плана Аннана» под эгидой ООН сохраняет свою непреложную актуальность и значимость в разрезе изучения кипрского вопроса как комплексного антагонизма. По этой причине в качестве хронологических рамок данной статьи взят временной промежуток с 1992 по 2004 годы.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили материалы по внешней политике: официальный синопсис внешней политики Турции, заключения Копенгагенского саммита Евросовета ЕС 2002 г. Анализируются основные положения из опубликованных научных работ признанных отечественных и зарубежных ученых, занимающихся кипрской проблематикой - О. Бредихина, Р. Фищера, А. Калибера, М. Михаэля.

Результаты

Перед тем как перейти к достижению цели данной статьи, отразим ниже основные принципы внешней политики Турции. На официальном сайте МИД Турецкой Республики читаем, что государство выступает за «открытую, мирную, многовекторную дипломатию», уделяет большое внимание миру и стабильности в отношениях с соседями. Реализуются концепция мира Ататюрка «Мир в доме и своём регионе - мир во всём мире» [10] и «Ноль проблем с соседями» [10].

В синопсисе внешней политики Турции видим общую позицию Турции в отношении казуса Кипра. Читаем: «Сегодня Турция поддерживает все усилия, нацеленные на достижение справедливого, долгосрочного и всеобъемлющего урегулирования кипрской проблемы. Кипрское урегулирование должно вписываться в рамки и параметры, установленные ООН. Турция также поддерживает продолжающийся переговорный процесс в

рамках миссии добрых услуг Генерального секретаря ООН, являющийся лучшим форматом для скорейшего достижения справедливого результата». [10].

В заданных хронологических рамках работы императивно остановиться на конкретных шагах официальной Анкары: а) в отношении кипрской проблемы; б) во взаимодействии с форматом ООН в кипрском урегулировании; в) в развитии связей с Европейским союзом на предмет официального вхождения в данное наднациональное объединение, в котором ряд взаимных условий был связан со статусом Кипра.

Из анализа официального сообщения на сайте Министерства иностранных дел Турции можно сделать следующие выводы об особенностях кипрского вектора турецкой дипломатии: 1) Турецкая Республика не признает легитимности правительства Республики Кипр как формы представительства для греческих и турецких киприотов соответственно; 2) по версии Турции, процедура вступления Кипра в ЕС является незаконной, поскольку заявку на вступление подала Республика Кипр без учета позиции турко-кипрской общины; 3) Турция признает де-юре суверенитет Турецкой Республики Северный Кипр (ТРСК); 4) Турция выступает за сохранение присутствия своего военного контингента на Кипре, рассматривая это как меру по обеспечению гарантии стабильности ТРСК; 4) Турецкая Республика поддерживает идею оставить в силе механизм гарантий, установленный Цюрихско-Лондонскими соглашениями [5]. Турецкая сторона так объясняет первопричину кипрской проблемы: «Первопричиной кипрского вопроса является постоянный отказ греков-киприотов относиться к туркам-киприотам, совладельцам острова, как к равным партнерам на основе политического равенства. Греки-киприоты не хотят делить с турками-киприотами политическую власть и богатства, включая природные ресурсы острова».

Конкретные внешнеполитические шаги Анкары в отношении кипрской проблемы в 1992 - 2004 гг. были направлены на тесное взаимодействие с турко-кипрской общиной, в усилении переговорной позиции и социально-экономического положения которой была заинтересована Турция. Предметом турецкого внешнеполитического курса стало углубление связей с непризнанной ТРСК. Так, в 1992 г. было принято решение об углублении двусторонних экономических и социальных связей и создании таможенного союза. Таким образом, Турция создавала соответствующую обстановку на случай, если возникнет необходимость присоединения Северного Кипра к Турции. Отметим, что турецкая дипломатия принимала во внимание идейный фактор: вполне логично, что она обращалась к пантюркизму как фундаменту для выстраивания эффективных взаимоотношений с турками Кипра. Опора на идеологию в целом применялась до конца 1990-х годов.

Турция не могла отказаться от идейной опоры на пантюркизм в развитии отношений с турко-кипрской общиной: основы мышления с опорой на национальное самосознание, полагаем, стали «плотью и кровью» ментальных установок турецких киприотов задолго до падения Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Сказанное в отношении турко-кипрского идеологического базиса, на наш взгляд, справедливо и в отношении антагонистов турок Кипра - греческих киприотов, которые, как известно, опирались на идеи эллинизма в своём политическом курсе разделённого Кипра также задолго до наступления постбиполярного периода. В частности, вопрос о «выживании кипрского эллинизма» рассматривается в «Белой книге» Вооружённых сил Греции 1997 г. [6]. В любом случае, очевидны взаимовлияние отношений Турции и Греции в плане их проекции на кипрскую проблему. Результатом опоры на идеологическую составляющую стал общий «переговорный застой» в межобщинных переговорах по казусу Кипра.

«Жесткая линия» Турции и логика в духе *Realpolitik* ставили крест на посреднических усилиях ООН по урегулированию противостояния на Кипре. Усугубляли конфликт и перипетии, сложности и кризисы в отношениях между Афинами и Анкарой» [8, Р. 304] - отмечает американский специалист Рональд Фишер. Так, реакция Турции на заключение «доктрины совместной обороны» между Кипром и Грецией в 1993 г. была жёсткой, в Анкаре стали искать симметричный ответ. В результате, парламент ТРСК по совету тогдашнего министра иностранных дел Турции Бюлента Эджевита принял 29 августа 1994 г. законопроект о «новой политике» [8, Р. 304]. В документе не исключалась реализация права кипрского турецкого народа на суверенитет. Также заявлялось о симметричном принятии совместных мер в сфере иностранных дел, обороны и безопасности как противовеса «доктрине совместной обороны». По части урегулирования кипрского вопроса программа отвергала предложения и инициативы ООН, в т.ч. «Комплекс идей» 1992 г. как несправедливые» [8, Р. 304].

Во второй половине 1990-х годов ситуация вокруг кипрского вопроса и кипрского аспекта турецкой дипломатии развивалась разнонаправленно. С одной стороны, лидеры кипрских общин Рауф Денкташ и Глафкос Клиридис подошли к осознанному и детальному пониманию концепции «двухобщинной и бizonальной федерации» как единственно правильного выхода из кипрского «тупика». Однако, с другой стороны, в межобщинных переговорах усиливалась стагнация, которая привела к бесплодному взаимодействию островных греков и турок: в период 1996 –1999 гг. переговоры буквально «топтались на месте», вращаясь вокруг незначительных процедурных вопросов [7, Р. 598].

Турецкая дипломатия на нестабильном кипрском треке продолжала придерживаться линии на усиление потенциала ТРСК. Красноречивым доказательством этого тренда стал совместный договор между Анкарой и Лефкошей (столица частично признанной ТРСК - А.М.), заключенный в декабре 1995 г. [10]. Его участники развили концепцию «двухобщинной бizonальной федерации». Существенным недостатком данного документа нам видится его бескомпромиссная «нацеленность» на поддержку турецких киприотов в ущерб ооновским идеям «справедливого и долгосрочного мирного урегулирования кипрской проблемы» [2]. Действительно, в конце XX века Анкара не предпринимала конструктивных политических шагов, которые учитывали бы условия и требования киприотов-греков.

Как считает греческий специалист Михалис Михаэль, «Турция до прихода к власти Партии справедливости и развития под руководством Реджепа Тайпи Эрдогана Эрдогана в 2002 г. не была готова к неолибералистичной политике, настроенной на игру с ненулевым результатом (*win-win approach*). Кроме этого, в политическом истеблишменте Турции не было единства в понимании как теоретических, так и практических основ внешней политики в Восточном Средиземноморье» [7, Р. 598].

Важным фактором, повлиявшим на средиземноморский вектор политики Турции, в частности, готовность Анкары к более гибкому внешнеполитическому курсу в отношении кипрской проблемы, стали изменения глобального международного ландшафта после терактов 11 сентября 2001 года в США. В 2001 году США меняли свою стратегию. Эпицентр кризиса сместился на Ближний Восток, и одним из естественных союзников США в этом регионе была Турция. Чтобы служить полезной цели как ключевая региональная страна, необходимо было усилить Турцию путём присоединения к Европейскому союзу (ЕС) [11, Р. 926]. Для подобного потенциального вектора развития нельзя было избежать чёткости и в отношении кипрского вопроса, тем более что Республика Кипр также рассматривалась в качестве объекта перспективной евроинтеграции. Таким образом, формат ЕС становится одним из факторов кипрской ситуации. Действительно, как справедливо замечает отечественный специалист Олег Николаевич Бредихин, «евросоюзовский формат стал важной субрегиональной параллелью ООН в кипрском вопросе» [1, С. 154]. Однако прежде чем исследовать крупный международный формат кипрского урегулирования остановимся на важном политическом моменте локального слоя кипрской проблемы.

Суровая экономическая необходимость требовала политической воли и решений, прежде всего от тогдашнего лидера турок-киприотов Рауфа Денкташа. Источником финансовых трудностей для общины турок Кипра стали решения, принятые Евросоюзом. Так, 14 апреля 2001 г. Европейская Комиссия (ЕК) фактически подрывает переговорные позиции Турции и

частично признанной ТРСК: Мальта и Кипр (т.е. официально признанная Республика Кипр - А.М.) освобождались от пятилетнего ограничения на отправку рабочих в Европу. В ЕК были уверены, что массового оттока рабочей силы из Мальты и официального Кипра в ЕС не предвидится. Однако фактически турецкие киприоты, страдавшие от последствий экономического кризиса в Турции, начали массово подавать заявки на получение паспортов Республики Кипр. Тогдашний президент Европейской комиссии Романо Проди заявил, что Кипр будет в волне новых присоединений с решением или без решения кипрского вопроса. Он добавил, что ЕС готов принять любое решение, которое будет одобрено двумя сторонами на острове. Лидер турко-кипрской общины Р. Денкташ поначалу выступал против переговоров с греко-кипрской общиной. Однако под давлением турецкого бизнеса он сменил свою позицию. 11 ноября 2001 г. он обратился к Г. Клиридису с просьбой начать прямые переговоры. Г. Клиридис, на которого серьёзный прессинг оказывали греческие круги, согласился на переговоры. Итак, впервые с 1997 г. начались прямые межобщинные переговоры. И проходили они в контексте развития фактора Европейского Союза.

У Турции долгая история попыток присоединения к ЕС. Её анализ выходит за рамки данной работы. Несомненно, считаем, тот факт, что в рассматриваемый период вопрос присоединения Турции к ЕС был актуален для политического истеблишмента страны. Решения Хельсинкского саммита ЕС 10 - 11 декабря 1999 года наделили Турцию статусом «кандидата на вступление» в ЕС. Вдобавок, для победившей на парламентских выборах 3 ноября 2002 г. «Партии справедливости и развития» (*Adalet ve Kalkınma Partisi, AKP*) процесс вступления в ЕС рассматривался как один из способов усиления своей легитимности [11, Р. 927]. Данную перспективу поддерживала также турко-кипрская община: Р. Денкташ хотел создать впечатление, что он участвует в переговорном процессе до тех пор, пока саммит в Копенгагене в декабре 2002 г. не примет решение о начале переговоров о присоединении Турции [11, Р. 926].

Саммит Европейского Совета ЕС, прошедший в Копенгагене 12 - 13 декабря 2002 г., не обозначил конкретную дату вступления Турции в Евросоюз. Что касается кипрской проблемы, в коммюнике саммита была определена дата вступления Кипра в ЕС - 1 мая 2004 г. Евросовет приветствовал переговорный процесс между турко-кипрской и греко-кипрской общинами под эгидой ООН, на основе предложений Генерального секретаря данной организации [4]. В свою очередь, с начала 2003 года Турция стала поощрять турецких киприотов к сотрудничеству с греками. В результате, 16 апреля 2003 г. по решению Совета министров ТРСК были сняты ограничения на экспорт продуктов из ТРСК в Республику Кипр (далее – РК) [10]. Неделью спустя, 23 апреля 2003 г., было принято ставшее историческим

решение об открытии участка границы между ТРСК и РК [10]. Через месяц, 23 мая 2003 г., Турция приняла решение об упрощении визового режима для греческих киприотов, посещающих Турцию[5].

В целом, период 2002-2004 гг. отличала благоприятная системная конъюнктура кипрского вопроса. Это хорошо понимал тогдашний Генсек ООН Кофи Аннан, который выступил инициатором устранения как основных, так и частных межобщинных разногласий, предложив лидерам обеих общин детальный план по урегулированию этнического конфликта и воссоединению Кипра. Политический истеблишмент Турции, руководство Партии справедливости и развития выступили в поддержку инициативы К. Аннана, призывая зафиксировать план как основу для урегулирования [3]. При этом важно понимать, что в Анкаре не было единства в отношении «плана Аннана»: так, МИД и военные полагали, что план не только не учитывал основные позиции турецких киприотов, но и угрожал их жизненным интересам. В Турции рассчитывали на то, что детальный и четкий план создания единой Объединенной Республики Кипр будет одобрен не только турецкой, но и греческой частью населения острова; Кипр вступит 1 мая 2004 г. в ЕС в новом статусе федеративного государства, в котором будут представлены и защищены интересы турецких киприотов; урегулирование конфликта откроет путь успешному развитию вступительных переговоров в ЕС.

Расчет, однако, не оправдался: 24 апреля 2004 года на референдуме греки-киприоты проголосовали против «плана Аннана». В результате провала инициативы Аннана кипрский вопрос вновь вернулся к неутешительному статус-кво: даже официальное полноправное присоединение Республики Кипр к ЕС 1 мая 2004 года не привело к улучшению климата межобщинных отношений на острове. Результаты двух референдумов, проведенных на Кипре, были следующими: турки-киприоты поддержали инициативу Генсека ООН 64,9% голосов, в то время как на греки-киприоты в южной части Кипра отвергли план двузональной двухобщинной федерации 75,9% голосов. Как видим, голосование греческих киприотов обрекло «план Аннана» на поражение. Хотя эти результаты могут показаться победой сторонников статус-кво, они фактически освободили турецкую сторону от бремени «неконструктивной стороны». Усилия турецкой стороны достичь соглашения были широко признаны. Первая реакция пришла от ЕС, когда министры иностранных дел объединения распорядились выделить 259 млн. евро в качестве помощи ТРСК в достижении экономического развития и выходе из экономической изоляции. Это вскоре было подтверждено заявлением США о пересмотре своей политики в отношении Кипра. К. Аннан представил доклад Совету Безопасности, в котором он призывал к «снятию ограничений и

препятствий, которые без необходимости изолируют турецких киприотов и мешают им развиваться экономически» [Цит. по: 11, Р. 929].

Восприятие процесса вступления РК в ЕС турецкими киприотами, напротив, было не столь однозначно положительным. На наш взгляд, легитимность ЕС до возобновления по инициативе турко-кипрского лидера Р. Денкташа прямых межобщинных переговоров в конце 2001 года была явно негативной. По мнению турецкого исследователя Санема Сахина, это объяснялось дезинформацией относительно ЕС в публикациях турецко-кипрских газет [9, Р. 449.]. Данная практика порождала неадекватную оценку перспективных благ от членства в объединении властями турок-киприотов.

В реальности, немногочисленные СМИ турецких киприотов отличались высокой степенью ангажированности. Данный факт находит отражение в специфике отбора и публикации материалов ключевых событий, связанных с кипрским вопросом, характерных для периодики ТРСК. Суть данного процесса «мотивировалась политическими и идеологическими позициями» [9, Р. 449].

Аналитический обзор периодической печати турецких киприотов, вне всякого сомнения, позволяет ответить на вопрос о том, каким образом тогдашнее руководство кипрских турок воспринимало легитимность ООН. Рассматривали ли консервативно настроенные круги, составлявшие большую часть элиты ТРСК изучаемого периода, члены правящей партии UBP, лично руководитель общины Рауф Денкташ «план Аннана» как справедливый, не нарушающий интересов этнического меньшинства острова проект?

Приведём ниже особенности восприятия в политическом ландшафте ТРСК «плана Аннана», форматов ООН и ЕС соответственно, обращаясь к материалам периодических изданий, преимущественно газет, на севере Кипра. Итак, началом для полуторалетнего периода интенсивных обсуждений фигурантами кипрской проблемы «плана Аннана» стал конец 2002 года. 11 ноября проект по урегулированию многолетнего межэтнического антагонизма, вылившегося в застарелую международную проблему, был представлен на обсуждение лидеров общин Кипра. Каким образом, какими эпитетами наделяли «план Аннана» репортёры турко-кипрских газет?

Для популярных в ТРСК газет *Halkin Sesi*, *Kibrisli*, *Vatan*, *Volcan* характерна крайне резкая оценка проекта ООН. Красной нитью сквозь их аналитику проходит мысль об «угрозе аннановской инициативы существованию “государства” ТРСК и турецко-кипрской нации» [9, Р. 452]. Так, «буйками» данной воинственной логики в трактовке ключевых аспектов проекта выступают следующие метафоры: «экономическое разрушение» [9, Р. 452] (газета *Volcan*), «коллапс суверенитета» [9, Р. 452] (газеты *Vatan*, *Halkin Sesi*).

С недоверием масс-медиа ТРСК отзываются и о Европейском союзе. Авторитетное новостное агентство *ТАК* в своих сообщениях о начале обсуждения сторонами плана ООН по Кипру ставит под сомнение факт беспристрастности ЕС, в особенности нейтральность характера взаимосвязи процесса евроинтеграции Республики Кипр и строгого графика выполнения сторонами переговоров по «плану Аннана» контрольных сроков достижения договоренностей. «Жесткая регламентация со стороны ЕС призвана не стимулировать поиск нашими переговорщиками оптимального решения, эта тактика обслуживает интересы не стремящихся к компромиссу греческих киприотов. Она неверна и не приведет к разрешению конфликта» [9, Р. 454].

Диаметрально противоположную, положительную риторику в отношении «плана Аннана» в ноябре - декабре 2002 года развивали корреспонденты таких периодических изданий, как *Afrika*, *Ortam*, *Yeniduzen* [9, Р. 454]. Необходимо отметить, что эти газеты симпатизировали оппонентам Р. Денкташа – представителям СТР – «Республиканской турецкой партии». Члены данного политического объединения являлись сторонниками либерального пути развития ТРСК. Неудивительно, что они выступили с поддержкой «плана Аннана». Например, передовая статья одного из номеров газеты *Afrika* озаглавлена «Надежда нашего народа на решение» [9, Р. 453].

Заключение

Какой теоретической формулой можно описать позицию Турции по кипрской проблеме в постбиполярном мире? Как представляется, в период 1992 – 1998 гг. эмоциональные постулаты: «Оказываем всемерную поддержку Турецкой Республике Северный Кипр! Сохраняем статус-кво кипрской проблемы! Выступаем против вступления Республики Кипр в Евросоюз! Вступаем в ЕС на своих условиях и отстаиваем свою твердую позицию!» - были основополагающими для Анкары.

Общая линия Турции в кипрском антагонизме стала более гибкой с 1999 г., что объясняется усилением потенциальной возможности присоединения к Евросоюзу. Предпосылкой для менее непримиримой к позиции Греции и греческих киприотов в кипрской проблеме генеральной линии действий Анкары стало усиление формата ООН. Следствием роста влияния ООН стала подготовка мирной инициативы – плана кипрского урегулирования («план Аннана»). Действительно, как мы увидели выше, инициатива К. Аннана в течение фактически полутора лет плавно катализировала переговорный процесс между непосредственными участниками кипрской проблемы – представителями греческой и турецкой общин киприотов. Сама Турция при этом также была заинтересована в развитии «трека ООН», поскольку в период 2002 – 2004 гг. деятельность ООН была параллельно

взаимосвязана с процессом евроинтеграции Кипра как запланированного на 1 мая 2004 г, а процесс вступления Республики Кипр в ЕС *ipso facto* налагал на Турцию обязательство по выполнению ряда условий.

Тем не менее, внешняя политика Турции на кипрском направлении продолжала характеризоваться противоречивостью. Стремление к вступлению в состав ЕС, отклонение Турцией условий Дополнительного протокола к Анкарскому соглашению, шло вразрез с выполнением внешнеполитических обязательств. Отказ от признания Турцией легитимности Республики Кипр и по сей день является непреодолимым барьером для конструктивного участия Турции в справедливом и эффективном урегулировании кипрской проблемы. Параллельно с данным обстоятельством, принципиальный отказ Греции от признания Турецкой Республики Северного Кипра как легитимного государственного образования турко-кипрской общины не добавляет греческой стороне рычага конструктивного участия в разрешении казуса Кипра.

Региональный и локальный аспекты кипрской проблемы в тюркологическом исследовательском ракурсе – одни из наиболее важных её проявлений. Итак, в результате проведённого исследования мы выяснили, какими принципами руководствуются турецкие и турко-кипрские политики в отношении кипрского вопроса, каким образом они эволюционируют, какие причины стоят за этими изменениями, какие политические решения были приняты турецким и турко-кипрским руководством. Мы увидели, что Турция как региональный актор кипрской проблемы вовлечена в процесс урегулирования, является достаточно открытой и способной для многостороннего политического диалога в международных форматах ООН и ЕС соответственно. В соответствии с логикой кипрской проблемы Турция плотно взаимодействует с турко-кипрской общиной, оказывает ей моральную и политическую поддержку. В целом, позиция Турции в кипрской проблеме в постбиполярный период, на хронологическом интервале с 1992 по 2004 гг., видится нам последовательной, не нарушающей принципиально потенциальные возможности других акторов для поиска справедливого и всеобъемлющего выхода из кипрского межэтнического конфликта.

Литература

- Бредихин О.Н. Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.15/ Олег Николаевич Бредихин; МГИМО (У) МИД РФ. – М., 2006. – 183 с.
- S/1999/707. Доклад генерального секретаря о его миссии добрых услуг на Кипре// Официальный сайт ООН. Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n99/184/27/pdf/n9918427.pdf> - свободный, дата обращения 26.10.2024.

- Alper Kaliber. Securing the Ground Through Securitized 'Foreign' Policy: The Cyprus Case// Security Dialogue. – Peace Research Institute, Oslo, Norway. – September 2005, vol. 36, no. 3. – Pp. 319 - 337.
- Conclusions of the Copenhagen European Council: extract concerning enlargement (12 - 13 December 2002) // Centre virtuel de la connaissance sur l'Europe. Режим доступа: https://www.cvce.eu/content/publication/2004/4/20/ff7ff228-fa3b-4f89-b552-808f7eb2c5b3/publishable_en.pdf - свободный, дата обращения 26.10.2024
- Cyprus Issue (Summary) // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs Official Web-Site. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/cyprus-issue-_summary_.en.mfa - свободный, дата обращения 26.10.2024.
- Greece. White Paper for the Armed Force //red de seguridad y Defensa de America Latina. Режим доступа: <https://www.resdal.org/Archivo/gre-cap2.htm> - свободный, дата обращения 26.10.2024
- Michalis S. Michael. The Cyprus Peace Talks: A Critical Appraisal// Journal of Peace Research. - Peace Research Institute, Oslo, Norway. – September 2007; vol. 44, 3.; – Pp. 587 – 604.
- Ronald J. Fisher. Cyprus: The Failure of Mediation and the Escalation of an Identity-Based Conflict to an Adversarial Impasse// Journal of Peace Research. - Peace Research Institute, Oslo, Norway. - May 2001, vol. 38, no. 3., Pp. 307 – 326.
- Sanem Sahin. Diverse media, uniform reports: An analysis of news coverage of the Cyprus problem by the Turkish Cypriot Press. // Journalism. – 2014, vol. 15. – Pp. 446 – 462.
- Synopsis of the Turkish Foreign Policy// Официальный сайт Министерства иностранных дел Турецкой Республики. Режим доступа: <http://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy.en.mfa> - свободный, дата обращения 26.10.2024
- Turkish Foreign Policy, 1919 - 2006. Facts and Analyses with Documents / The University of Utah Press, Salt Lake City. - 2010. 968 p.

References

- Bredikhin O.N. Kiprskiy konflikt: genezis i osnovnye etapy razvitiya: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.15. - MGIMO (U) MID RF. – M., 2006. – 183 p. (in Russian) = Bredikhin O.N. Cyprus conflict: genesis and main stages of development: Dissertation for Cand. of Sc. (History) Degree: 07.00.15. – MGIMO (U) Ministry of External Affairs of Russia. – Moscow, 2006, 183 p. (In Russian).
- S/1999/707 – Report of the Secretary-General on his mission of good offices in Cyprus // Permanent Mission of the Republic of Cyprus to the United Nations. URL: <https://www.cypusun.org/?p=2415>, free. Date of access 26.10.2024
- Alper Kaliber. Securing the Ground Through Securitized 'Foreign' Policy: The Cyprus Case// Security Dialogue. – Peace Research Institute, Oslo, Norway. – September 2005, vol. 36, no. 3. – Pp. 319 - 337.
- Conclusions of the Copenhagen European Council: extract concerning enlargement (12 - 13 December 2002) // Centre virtuel de la connaissance sur l'Europe. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2004/4/20/ff7ff228-fa3b-4f89-b552-808f7eb2c5b3/publishable_en.pdf - free, date of access 26.10.2024.
- Cyprus Issue (Summary) // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs Official Web-Site. URL: http://www.mfa.gov.tr/cyprus-issue-_summary_.en.mfa - free, date of access 26.10.2024.
- Greece. White Paper for the Armed Force //Red de Seguridad y Defensa de America Latina. URL: <https://www.resdal.org/Archivo/gre-cap2.htm> - free, date of access 26.10.2024.
- Michalis S. Michael. The Cyprus Peace Talks: A Critical Appraisal// Journal of Peace Research. - Peace Research Institute, Oslo, Norway. – September 2007; vol. 44, 3.; – Pp. 587 – 604.
- Ronald J. Fisher. Cyprus: The Failure of Mediation and the Escalation of an Identity-Based Conflict to an Adversarial Impasse// Journal of Peace Research. - Peace Research Institute, Oslo, Norway. - May 2001, vol. 38, no. 3., Pp. 307 – 326.
- Sanem Sahin. Diverse media, uniform reports: An analysis of news coverage of the Cyprus problem by the Turkish Cypriot Press. // Journalism. – 2014, vol. 15. – Pp. 446 – 462.

Synopsis of the Turkish Foreign Policy// Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs Official Web-Site.
URL: <http://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy.en.mfa> - free, date of access
26.10.2024
Turkish Foreign Policy, 1919 - 2006. Facts and Analyses with Documents / The University of Utah Press,
Salt Lake City. - 2010. 968 p.

Поступила в редакцию / Received 06.07.2026

Поступила после рецензирования / Revised 16.07.2026

Принята к публикации / Accepted 01.08.2026